

A romantic couple embracing in a city at night. The man is shirtless, and the woman is wearing a black dress. The background is dark with a city skyline and a fiery, glowing atmosphere. The text is overlaid on the image.

Огонь
БЛИЗОСТИ

ПЕПЕЛ
РАССТОЯНИЯ

18+

Эммилия Пайти Огонь близости, пепел расстояния

<https://litres.ru/73907004>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миля влюбляется. Снова. И снова! Но расстояние встаёт между ней и тем, кто кажется нужным. Короткие встречи, наполненные страстью, сменяются долгими месяцами разлуки. Она привыкла к этой игре: вспыхнуть, сгореть дотла и ждать следующей возможности увидеться — если получится.

Пытаясь забыть очередную неудачу, Миля заводит отношения без обязательств — «секс по дружбе» с человеком, который, кажется, понимает её лучше других. Но что, если дружба начнёт перерастать во что-то серьёзное? И готова ли Миля рискнуть — отказаться от безопасной дистанции и довериться кому-то настоящему?

Эротический роман о страсти, дружбе и выборе между комфортом и настоящей любовью.

Содержание

Глава	5
Часть 1	6
Глава 1.	8
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	47
Глава 13	50
Глава 14	52
Глава 15	55
Глава 16	58
Глава 17	61
Глава 18	64
Глава 19	67
Глава 20	70
Глава 21	73

Глава 22	76
Глава 23	79
Глава 24	82
Глава 25	85
Глава 26	88
Глава 27	91
Глава 28	94
Глава 29	97
Глава 30	101
Глава 31	104
Глава 32	108
Глава 33	111
Глава 34	114
Глава 35	119
Глава 36	122
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Эммилия Пайти Огонь близости, пепел расстояния

Глава

*На написание этой книги,
меня вдохновил мой друг
Карабас-Барабас*

Часть 1

Тёплый весенний вечер мягко окутывал набережную золотистым сиянием закатного солнца. Воздух, наполненный ароматом пробудившейся природы, словно застыл в хрупком равновесии между днём и наступающей ночью.

Мили неспешно шла вдоль реки, позволяя взгляду скользить по причудливой мозаике пейзажа. Вода, гладкая, как отполированный малахит, бережно держала на своей поверхности изумрудные островки кувшинок. Между ними, будто крохотные живые стрелки, сновали водомерки, а время от времени из водной глади выныривали любопытные утиные семейства, нарушая безмятежную тишину лёгким плеском.

Солнце, медленно клонившееся к горизонту, окрашивало мир в невероятные оттенки — от янтарного до розово-лилового. Его лучи, преломляясь в каплях росы на прибрежной траве, рассыпались мириадами крошечных радуг.

Набережная жила своей обычной вечерней жизнью: влюблённые пары неспешно прогуливались, обмениваясь тихими признаниями; молодые мамы катили перед собой коляски, напевая нехитрые колыбельные; подростки, словно стремительные метеоры, проносились на самокатах, оставляя за собой шлейф весёлого гомона.

Именно в этот миг случайный блик, отразившийся от вод-

ной глади, заставил Мили невольно зажмуриться. Когда она вновь открыла глаза, её взгляд тут же был притянут к небольшому пирсу, где разворачивалось настоящее действие.

Там, в ореоле закатного света, словно сошедшая с полотна импрессиониста, позировала яркая девушка. Её пышные кудри, будто живые, играли с последними лучами солнца, а строгая кожаная куртка, небрежно накинутая на голое тело, контрастировала с потёртыми джинсами. Она улыбалась так искренне и заразительно, что даже случайный прохожий не мог не улыбнуться в ответ.

Рядом с ней, словно дирижёр невидимого оркестра, двигался фотограф. Его руки, уверенные и точные, управляли камерой с почти ритуальной грацией. Он то и дело оборачивался к группе учеников, демонстрируя тонкости работы с отражателем, ловя и направляя солнечные блики с мастерством алхимика, превращающего обыденное в волшебное.

«Я не видела его уже очень давно... Почти год прошёл с последней нашей встречи», — пронеслось в голове Мили, и сердце её учащённо забилось. Не раздумывая больше ни секунды, она решительно направилась к пирсу, готовая прервать этот завораживающий процесс, чтобы наконец произнести долгожданное: «Здравствуйте!» ...

Глава 1.

Мили долго размышляла о природе сексуальности — не поверхностной, показной, а настоящей, той, что проникает в самую суть человека. Она перебирала в памяти образы женщин, которые казались ей по-настоящему притягательными, и пыталась найти общий знаменатель. Постепенно к ней пришло озарение: сексуальность рождается в голове.

Это не про идеальные пропорции, не про дорогие наряды и не про отточенные позы. Это — про внутреннее состояние, про ту невидимую энергию, что исходит от человека, когда он по-настоящему живёт в согласии с собой.

Мили вспомнила одну девушку, которую многие считали «нестандартной»: невысокая, с широкими плечами, с лицом, далёким от глянцевого канона. Но стоило ей войти в комнату — и все взгляды невольно обращались к ней. Она двигалась с удивительной грацией, говорила с лёгкой улыбкой, а её глаза светились тем особенным огнём, который невозможно подделать. «Она не пытается быть сексуальной, — подумала тогда Мили, — она просто есть».

И напротив — сколько было вокруг женщин, будто сошедших с обложек журналов, но их красота оставалась холодной, неживой. Они старательно копировали чужие манеры, следовали модным трендам, но в их взгляде читалась пусто-

та, а в движениях — скованность. Они пытались казаться, но не быть.

Мили поняла: сексуальность — это:

- свобода от чужих ожиданий;
- уверенность в своей уникальности;
- осознанность — умение чувствовать своё тело, его желания и границы;
- игра — та лёгкая, почти неуловимая нотка, что превращает обычный жест в нечто завораживающее;
- смелость быть разной — нежной и дерзкой, уязвимой и сильной, игривой и серьёзной.

Когда ты сама испытываешь интерес к своим ощущениям и желаниям, когда тебе действительно нравится то, что ты чувствуешь, когда ты не играешь роль, а живёшь — это и есть настоящая сексуальность. Она не требует доказательств, не нуждается в одобрении. Она просто есть, как дыхание, как биение сердца.

Мили улыбнулась, осознавая, что всё это время искала ответ не вовне, а внутри себя. Сексуальность — не цель, не трофей, который нужно завоевать. Это естественное состояние человека, который научился слушать себя, доверять своим желаниям и не бояться быть настоящим.

И в этот момент она почувствовала, как в ней рождается новая уверенность — тихая, но твёрдая. Потому что теперь она знала: её сексуальность принадлежит только ей. И никто не может забрать её или определить, какой ей быть.

Глава 2

Вопросы чувственности и интимной жизни давно будоражили воображение Мили. Она размышляла о них ночами, листала книги, пыталась разгадать тайну притяжения — но в её повседневности не было никого, с кем можно было бы перейти от теории к жизни. Ни одного парня, ни единого взгляда, обещающего нечто большее.

И вот — санаторий, лето, шумные коридоры, заполненные голосами людей. Здесь время текло иначе: днём — экскурсии, игры, обязательные мероприятия, а ночью — тайные вылазки, шёпот за закрытыми дверьми, робкие попытки прикоснуться к тому, что казалось запретным и оттого ещё более манящим.

В одну из таких ночей в её дверь тихо постучали.

Егор был из тех людей, кого с первого взгляда не назовёшь красавцем, но в чертах его лица таилась особая притягательность — словно незавершённый рисунок, ждущий последнего мазка кисти. Высокого роста, с худощавой, но подтянутой фигурой, он двигался с лёгкой небрежностью человека, который не слишком заботится о мнении окружающих.

Его короткие тёмные волосы были аккуратно подстрижены, но выглядели чуть растрёпанными, будто он только что провёл по ним рукой в задумчивости. Лицо — овальное, с

высокими скулами и чуть выступающим подбородком, — хранило следы бессонных ночей и бесконечных размышлений. Лёгкая небрежность добавляла облику нотку бунтарства.

Главной же особенностью Егора были его глаза — скрытые за тёмными зеркальными очками в стиле «авиатор». Эти очки стали его своеобразной визитной карточкой: они придавали ему загадочность, создавали невидимую преграду между ним и окружающим миром. Казалось, что за тёмными стёклами скрывается целый космос — мечты, страхи, невысказанные мысли. Иногда, когда он снимал очки, можно было увидеть тёплый, чуть насмешливый взгляд голубых глаз, но это случалось редко.

Он предпочитал простую, но стильную одежду: в день их встречи на Мили произвела впечатление его фиолетовая футболка с едва заметным принтом — будто отголосок какой-то забытой субкультурной эпохи. На шее — тонкий шнурок с небольшим кулоном, значение которого знал только он сам.

В его облике не было нарочитой брутальности или показной элегантности — скорее, некая свобода, словно он всегда находился на грани между порядком и хаосом. Его жесты были немного резкими, но в то же время плавными, как у человека, который привык полагаться на интуицию.

Именно эта смесь небрежности и внутренней собранности, скрытой силы и лёгкой неуверенности делала Егора осо-

бенным. Мили сразу почувствовала: за его внешней невозмутимостью скрывается целый мир — такой же противоречивый и увлекательный, как и её собственный. Они говорили до рассвета — о пустяках, о мечтах, о том, как странно и волнующе ощущать себя на пороге чего-то нового. Утром они брели на завтрак с сонными глазами и улыбками, которые никто не мог объяснить.

Так прошло несколько ночей. Разговоры становились всё доверительнее — словно они постепенно снимали друг с друга невидимые доспехи, обнажая самые сокровенные мысли. Взгляды задерживались чуть дольше положенного, наполняясь невысказанными смыслами. Пауза между словами теперь казалась не неловкостью, а особой музыкой — густой, тягучей, как мёд, наполненной шёпотом нераскрытых чувств.

Мили чувствовала, как внутри неё разгорается огонь, которого она раньше не знала. Он пульсировал в такт сердцу, растекался по венам тёплым золотом, заставлял кожу гореть даже от мимолётного прикосновения взглядов. Это было не просто волнение — это была тихая буря, которая набирала силу с каждым их разговором. И однажды она поняла: пора.

— Давай выйдем в душевую, — прошептала она едва слышно, будто боялась спугнуть хрупкую магию между ними. Голос дрожал, но в нём звучала твёрдость решимости.

Они прокрались по тёмному коридору, словно заговорщики, затаив дыхание. Тени скользили по стенам, будто жи-

вые, а каждый шаг эхом отдавался в тишине, заставляя сердца биться чаще. Лунный свет пробивался сквозь узкие щели, рисуя на полу причудливые узоры — словно карту их тайного путешествия.

В душевой царила особая атмосфера. Пахло влажной плиткой — холодным, чистым ароматом, смешанным с нотками ржавчины и далёкой свежести. Сквозь открытое окно пробивался запах летнего вечера: лёгкий бриз приносил с собой шелест листвы, аромат полевых цветов и отдалённый звон цикад. Туманная дымка витала в воздухе, отражаясь в холодных каплях на кафеле.

Мили повернулась к Егору. Сердце колотилось так громко, что, казалось, этот стук должен был разорвать тишину вокруг. Кровь пульсировала в висках, ладони стали влажными. Она подняла глаза — в полумраке его лицо казалось высеченным из камня: резкие черты, тени под глазами, губы сжаты в тонкую линию. Он ждал, не двигаясь, будто боялся нарушить этот хрупкий момент.

Собрав всю свою смелость, Мили приподнялась на цыпочках. Мир вокруг будто замедлился, превратившись в калейдоскоп мерцающих осколков. Она закрыла глаза, позволяя себе полностью отдаться этому мгновению. Время остановилось.

Её губы скользнули по его щеке — лёгкое, почти невесомое прикосновение, первый ее поцелуй парня был словно крыло ночной бабочки. Этот поцелуй-шёпот хранил в себе

всё: тайные взгляды, бессонные ночи, наполненные мечтами, трепетное ожидание и сладкую боль нерешительности. Мили замерла, ожидая реакции, чувствуя, как дрожит каждая клеточка тела.

В тишине душевой раздался только один звук — прерывистый вдох наложения от Егора, похожий на тихий стон. Этот звук стал для неё важнее любых слов.

Стыд обжёг её мгновенно. Не сказав ни слова, она рванулась прочь, пряча лицо в ладонях.

Следующие дни походили на зыбкий сон — нереальный, тревожный, с привкусом горечи. Они почти не виделись: случайные встречи в коридорах превращались в напряжённые мгновения, когда время, казалось, замедляло свой бег. Мили ловила себя на том, что инстинктивно отворачивается, прячет взгляд за прядями волос, будто пытается скрыться от собственного отражения. Егор тоже держался на расстоянии — то ли это была игра, то ли оба подсознательно боялись нарушить хрупкую грань между дружбой и чем-то большим.

Тишина между ними стала густой, как сироп, — вязкой, сладкой и удушающей. Мили ловила себя на том, что постоянно прокручивает в голове тот миг в душевой: мерцающий полумрак, запах влажной плитки, лёгкое прикосновение губ к щеке. Она вспоминала собственное сердцебиение — дикое, неконтролируемое, — и чувствовала, как щёки заливают румянец даже от этих воспоминаний.

И вот однажды судьба подкинула ей удар ниже пояса. Ми-

ли случайно оказалась рядом, когда Егор разговаривал с другом — тем самым, у кого была невероятно красивая девушка, словно сошедшая с обложки модного журнала. Его смех звучал слишком непринуждённо, движения были уверенными, а взгляд — цепким, оценивающим.

— Слушай, братан, — друг наклонился к Егору, понизив голос, но Мили услышала каждое слово. — У тебя с ней всё идёт неплохо, но... ты же понимаешь, что нужно поднять уровень?

Егор нахмурился, почесал затылок — этот жест всегда выдавал его растерянность.

— О чём ты?

— О поцелуях, конечно! — друг подмигнул. — Ты же не хочешь облажаться в самый ответственный момент? Я тебе скажу, как правильно целоваться. Есть нюансы, брат, серьёзные нюансы!

Мили замерла, будто наткнувшись на невидимую стену. Внутри что-то оборвалось — не от ревности, нет. От острого, почти физического ощущения нелепости ситуации. Ей вдруг стало больно, будто кто-то вонзил в грудь тонкую иглу. То, что она считала естественным, спонтанным, искренним, вдруг оказалось предметом инструкций, схемы, чёрт возьми, учебного пособия!

«Поцелуй — это же просто», — билась в голове навязчивая мысль. Ведь это же язык чувств, а не логики. Это дыхание, смешанное с дыханием другого человека, это дрожь в

пальцах, это безумие и покой одновременно. Но теперь перед глазами всплывали образы: схемы губ, углы наклона головы, списки «правильных» приёмов...

Сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Мили осознала: что она нуждалась в учебниках и руководствах. Мир становился сложнее, а простота, которой она так дорожила, превращалась в очередную иллюзию.

Она развернулась и почти побежала прочь, вжимаясь в стены коридоров, будто пытаясь стать невидимой. В голове пульсировала одна мысль: «Что же теперь делать? Как вернуть ту лёгкость, которая была между ними? И главное — хочет ли она вообще возвращать её, если за этим стоят такие правила?»

Ночью Егор пришёл к ней сам.

У него была двухъярусная кровать, сверху спал другой парень. Это был лагерь как санаторий и в комнатах было по несколько человек.

Егор молча снял простынь, свесив ее так — что она скрывала их от посторонних глаз — и вот они оказались в своём маленьком интимном пространстве, отделённом от всего мира тонкой тканью.

Они лежали рядом, говорили тихо, почти шёпотом. Мили чувствовала тепло его тела, запах его кожи, неровное дыхание. И вдруг он повернулся, навис над ней, и его губы нашли её губы.

На этот раз — всё было иначе.

Его поцелуй был уверенным, но не напористым; нежным, но не робким. Мили почувствовала, как внутри неё что-то раскрывается, как будто дверь, за которой долго пряталось нечто важное. Её губы ответили сами, без мыслей, без сомнений. Время остановилось.

Она не знала, сколько это длилось — минуту или вечность. Но когда они наконец отстранились, в глазах Егора она увидела то же изумление, что жило в ней самой.

— Это... — начал он, но не нашёл слов.

— Да, — прошептала она.

И в этой краткой тишине было больше смысла, чем во всех их предыдущих разговорах.

Мили поняла: первый поцелуй — это не просто прикосновение губ. Это момент, когда ты впервые по-настоящему чувствуешь себя живой и хорошо, когда это такая сильная влюбленность.

Глава 3

Ночи превратились в череду тайных встреч. Они находили друг друга в полумраке коридора, шептали условные фразы, прятались в укромных уголках — и снова, снова целовались. Каждый поцелуй был как глоток воздуха, как открытие, как обещание чего-то большего.

Миля ловила себя на том, что думает об этих мгновениях днём: во время экскурсий, за обедом, на занятиях в кружках. Вкус его губ, тепло его рук, неровное дыхание — всё это пульсировало в её сознании, словно тихий набат, зовущий к новым берегам.

В одну из таких ночей Егор, словно случайно, провёл рукой по её спине, а затем — осторожно, едва касаясь — скользнул под пижаму.

Миля замерла.

Ощущение его ладони на обнажённой коже было настолько острым, что у неё перехватило дыхание. Всё внутри сжалось в тугий узел, а потом — взорвалось тысячей искр. Это было не просто приятно. Это было невыносимо приятно. Как будто каждая клеточка её тела проснулась и закричала: «Ещё! Больше!»

Егор тоже замер, будто испугался собственной смелости. Его пальцы дрожали, но не отстранились. Он словно изучал

новую территорию — осторожно, трепетно, с благоговением. Мили хотелось прижаться к нему ещё ближе, хотелось, чтобы его руки исследовали каждый сантиметр её тела, чтобы он узнал её всю — без остатка.

Но он остановился.

В его глазах читалась нерешительность, даже страх. Мили понимала: он тоже впервые. Для него это — такой же неизведанный мир, как и для неё. И от этого осознания ей стало теплее, но и... чуть разочарованнее.

Когда она возвращалась в свою комнату, её тело горело от перевозбуждения. Каждый шаг отзывался внутри пульсирующим желанием, каждый вдох казался слишком медленным, слишком поверхностным. Она лежала в кровати, закрывала глаза — и перед ней снова возникал образ Егора, его руки, его дыхание, его губы.

Мысли уносились прочь. Она представляла, как он касается её везде, как его губы спускаются ниже, как...

Мили резко села.

«Нет. Не сейчас».

Она давно установила для себя правило, секс должен быть в отношениях и в комфортных условиях. Это было не навязанное взрослыми ограничение, а её собственный выбор — твёрдый, как камень, нерушимый, как закон. Она хотела быть уверенной. Хотела, чтобы первый раз был не из любопытства, не из страха упустить, а из осознанного желания.

Но тело не слушалось. Оно требовало, умоляло, кричало.

Мили закусила губу, закрыла глаза и позволила себе то, что могла позволить без нарушения правила.

Её пальцы дрожали. Она начала ласкать свое тело руками, думая о нем. Каждое прикосновение было как разряд тока, как волна, накрывающая с головой. Она представляла Егора рядом, его руки, его губы — и от этих мыслей всё внутри сжималось, пульсировало, рвалось наружу.

Это было одновременно и сладко, и мучительно. Мили кончила очень быстро.

Когда волна наконец отступила, Мили лежала, задыхаясь, с мокрыми руками от смазки после оргазма — от переполнявших её чувств возбуждения. От осознания, что она стоит на пороге чего-то огромного, неизведанного, пугающего и прекрасного одновременно.

Она вытерла руки, повернулась на бок и закрыла глаза. В голове всё ещё звучал шёпот: «Скоро. Но не сейчас».

И это «не сейчас» было не запретом — а обещанием.

Глава 4

Лето рассыпалось на осколки — так внезапно, так безжалостно. Дни, наполненные шёпотом в тёмных коридорах, тайными улыбками и первыми, робкими прикосновениями, растворились в гулком свистке паровоза.

Миля стояла на перроне, сжимая в руках маленький букет полевых цветов — тот самый, что они вместе собирали у санатория. Ветер играл её волосами, но она не чувствовала холода. Всё внутри было выжжено огнём прощания.

Она знала: это конец.

Егор стоял у вагона, сгорбившись, будто тяжесть разлуки уже легла на его плечи. Они не говорили — слова казались пустыми, ненужными. Всё, что нужно было сказать, они уже передали друг другу в тех бессонных ночах, в долгих поцелуях, в робких прикосновениях, от которых замирало сердце.

Когда объявили посадку, Миля рванулась к нему.

Она влетела в его объятия так отчаянно, будто пыталась впечатать его образ в свою кожу, в свои кости, в самую душу. Его руки сомкнулись вокруг неё — крепкие, тёплые, родные.

— Пока, — прошептала она, и это простое слово разорвало ей сердце.

Он не ответил. Только прижал её крепче на мгновение — и отпустил.

Ми́ли отступила, не отрывая взгляда от его лица. Хотела запомнить каждую черту: линию подбородка, тень от ресниц, лёгкую неровность губ — всё, что делало его её Егором.

Потом развернулась и побежала к своему вагону.

Двери закрылись.

Поезд тронулся.

Сначала медленно, потом всё быстрее. Ми́ли прижалась лбом к холодному стеклу, глядя, как фигура Егора уменьшается, тает, превращается в точку на горизонте. И в этот момент плотина внутри неё рухнула.

Слёзы хлынули потоком — горячие, безудержные, оглушающие. Она даже не пыталась их сдержать. Они катились по щекам, падали на платье, обжигали губы. Она всхлипывала, задыхалась, сжимала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Но боль физическая была ничто по сравнению с той, что разрывала грудь.

Всё...

Все мечты, все фантазии, все «а что, если...» — всё рассыпалось в прах. Она больше не услышит его шёпот в темноте, не почувствует тепла его рук, не утонет в глубине его поцелуев. То, что только начало расцветать — робкий, нежный цветок первой любви — было вырвано с корнем.

Ми́ли свернулась на сиденье, уткнувшись лицом в колени. Она плакала так, как никогда в жизни. Не тихо, не сдержанно — навзрыд, до боли в горле, до дрожи во всём теле. Это были слёзы не просто о расставании — о потерянной возможно-

сти, о несбывшихся надеждах, о мире, который только начал открываться перед ней и тут же закрылся наглухо.

В голове крутились обрывки воспоминаний:

- его рука под её пижамой — и волна жара, прокатившаяся по всему телу;

- его дыхание на её шее — и мурашки, побежавшие по спине;

- его взгляд — полный восхищения, трепета, любви.

Теперь это всё — только память.

Поезд набирал ход, унося её прочь от того места, где она впервые почувствовала себя живой. Где впервые узнала, что такое быть желанной, быть любимой.

Мили закрыла глаза, пытаясь унять боль. Но она не утихла — только меняла форму, превращаясь из острой, режущей в тупую, ноющую, которая, казалось, поселилась в груди навсегда.

«Я буду помнить», — думала она сквозь слёзы. — «Я буду помнить всё. Каждый миг. Каждый взгляд. Каждый поцелуй».

Но от этой мысли легче не становилось.

Потому что помнить — это всё, что у неё осталось.

Глава 5

Дом встретил Мили тишиной — глухой, давящей, будто стены сами знали, что она вернулась не целой. Всё было на своих местах: книги на полках, цветы на подоконнике, её кровать с вышитым покрывалом. Но теперь это выглядело чужим, неживым — как декорация, за которой не осталось смысла.

Первые дни она двигалась как во сне. Вставала, ела, отвечала на вопросы родителей — но всё это происходило будто не с ней. Внутри царила пустота, острая и холодная, как осколок льда в груди.

Она ложилась в постель и сжимала подушку, пытаясь уловить хоть отголосок его запаха — но пахло только стиральным порошком и домом. Закрывала глаза и представляла, как он шепчет ей на ухо: «Всё будет хорошо». Но тишина отвечала ей эхом её собственных мыслей.

На третий день тело сдалось.

Утром она не смогла встать. Голова раскалывалась, горло горело, а каждая кость будто налилась свинцом. Мама, заглянув в комнату, ахнула:

— Ты вся горишь!

Но Мили знала: это не просто вирус. Это боль, которая нашла выход через тело. Это слёзы, которые не смогли про-

литься до конца и теперь разъедали её изнутри. Это тоска, превратившаяся в лихорадку.

Она лежала под одеялом, дрожа от озноба, но внутри неё пылал огонь — нездоровый, выжигающий последние остатки сил. Сны смешивались с реальностью: то она снова на перроне, то в тёмной душевой санатория, то в его объятиях. Просыпалась — и каждый раз заново осознавала: его нет.

Родители суетились вокруг, приносили лекарства, измеряли температуру, говорили, что-то успокаивающее. Но их слова доносились как сквозь вату. Мили не могла объяснить, что с ней. Не могла сказать: «Я заболела не гриппом. Я заболела разлукой».

Однажды ночью, когда температура снова подскочила, она свернулась калачиком и прошептала в темноту:

— Верните его. Но никто не ответил.

Дни тянулись, как вязкая смола. Она то проваливалась в тяжёлый сон, то просыпалась от собственного стога. В зеркале отражалось чужое лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами, с губами, которые больше не улыбались.

Мили вспоминала его руки — тёплые, уверенные — и теперь её собственные ладони всегда были ледяными. Вспоминала его смех — лёгкий, чуть хриловатый — и понимала, что сама давно не смеялась. Вспоминала, как он говорил: «Ты — красивая», — и не могла понять, куда исчезла та девушка, которая верила в это.

Однажды утром она поймала себя на том, что смотрит в

окно и думает: «А если бы он сейчас вошёл?»»

Но дверь оставалась закрытой.

Постепенно температура спала, горло перестало гореть, а тело обрело силу. Но внутри всё ещё зияла рана — невидимая, но ощутимая. Она научилась вставать, есть, говорить. Но каждое утро начиналось с одной и той же мысли: «Его нет».

Мили поняла: болезнь ушла, но след от неё остался. Как шрам, который не болит, но напоминает — здесь было больно.

И теперь ей предстояло научиться жить с этим шрамом.

Глава 6

Дни тянулись, словно пропитанные свинцом. Мили пыталась вернуться к привычному ритму — учеба, домашние дела, разговоры с подругами, — но всё казалось фальшивым, ненастоящим. Мир вокруг жил своей жизнью, а она будто застыла в той самой точке на перроне, где последний раз видела Егора.

Она понимала. Чётко, холодно, безжалостно.

Они слишком далеки друг от друга. У него нет денег на билеты, у неё — на мечты. У них нет ничего, кроме воспоминаний и той незримой нити, что ещё дрожит между ними, но с каждым днём становится тоньше.

Мили сидела у окна, глядя на падающие листья, и думала: «Это не ссора. Не остывшая любовь. Не измена. Ничего из того, что можно исправить словами или поступками».

Их разделило не время, не обстоятельства, не люди. Их разделило расстояние — холодная, бездушная величина, которую нельзя умолить, нельзя перепрыгнуть, нельзя победить.

Она вспоминала его руки, его голос, его смех — и каждый раз сердце сжималось так, что становилось трудно дышать. В голове крутились вопросы без ответов:

- Сколько раз он вспомнит её до конца недели?

- Забудет ли её лицо через месяц?

- Будет ли ему так же больно, как ей сейчас?

Но больше всего ранила мысль: «Мы любим. По-настоящему. И всё равно должны расстаться».

Это было несправедливо. Нелепо. Жестоко.

Как если бы тебе дали попробовать самый сладкий фрукт в мире — и тут же вырвали его изо рта, оставив лишь послевкусие, от которого болит сердце.

Мили пыталась убедить себя:

- «Это просто первая любовь. Она всегда болезненна».

- «Я ещё встречу кого-то».

- «Время лечит».

Но слова оставались пустыми. Они не могли заполнить ту пустоту, что образовалась внутри.

Однажды ночью она лежала в постели, глядя в темноту, и вдруг поняла: она должна отпустить. Не потому, что разлюбила. Не потому, что он стал ей не важен. А потому, что иначе эта любовь, такая чистая и настоящая, просто раздавит её.

Она закрыла глаза и мысленно произнесла:

- «Егор, я отпускаю тебя. Не потому, что не хочу быть с тобой. А потому, что это единственный способ сохранить то, что было, между нами. Сохранить в памяти, в сердце, в той маленькой вселенной, где мы были вместе».

Слёзы текли по щекам, но в них уже не было отчаяния. Только тихая, горькая благодарность за то, что он был в её жизни. За то, что она узнала, каково это — любить так силь-

но, что даже расставание не может уничтожить это чувство.

Утром она встала, открыла окно и вдохнула свежий воздух. Где-то там, за сотни километров, был он. И где-то в ней самой оставалась та девушка, которая целовалась с ним в полумраке санатория.

Эта девушка никогда не исчезнет. Она просто станет частью истории — истории первой любви, которая закончилась не потому, что умерла, а потому, что так было нужно расстоянию.

Глава 7

Боль не ушла в один миг. Она отступала медленно, неохотно, оставляя после себя тоскливые отголоски.

Мили всё ещё вздрагивала, услышав песню о любви. Всё ещё ловила себя на том, что задерживает взгляд на парочках в парке, на смеющихся подростках, на чьих-то переплетённых пальцах. Всё ещё в моменты одиночества чувствовала, как внутри ворочается что-то тяжёлое, неудобное — будто рана, которая заживает, но ноет при каждом движении.

Только теперь слёзы не лились ручьём. Они стали редкими, сухими, почти ритуальными — как прощальный поклон тому, что было.

Она научилась жить с этой болью. Не бороться с ней, не загонять вглубь, а просто... допускать. Позволять ей быть — но не позволять ей править.

Постепенно мир вокруг начал наполняться новыми красками. Не яркими, не кричащими — приглушёнными, спокойными, но настоящими.

Она снова стала замечать:

- как пахнет осенняя листва — терпко, с лёгкой горчинкой;

- как уютно шуршит дождь по крыше;

- как приятно пить горячий чай из любимой кружки;

- как смеются подруги, и их смех уже не кажется ей чужим, отстранённым.

Однажды утром она проснулась и поняла: мысли о Егоре больше не пронзают её сердце острой иглой. Они пришли — и ушли. Остались в памяти, как страницы из старой книги, которую можно перечитать, но нельзя прожить заново.

Это не было забвением. Это был прием.

Принятием того, что первая любовь — как рассвет: невероятно красивая, но не предназначенная для вечности. Она освещает путь, дарит тепло, оставляет след в душе — а потом растворяется в дневном свете.

Мили больше не пыталась удержать то, что ушло. Она научилась благодарить за то, что было:

- за те ночи, когда они шептались друг другу глупости и смеялись до колик;

- за первые, робкие прикосновения, от которых замирало дыхание;

- за ощущение, что ты — важна для кого-то;

- за боль, которая научила её быть сильнее.

Время действительно лечило. Но не волшебным образом — оно просто шло, а она шла вместе с ним. Шаг за шагом, день за днём, вздох за вздохом.

И однажды она поняла, что может думать о Егоре без слёз. Может вспоминать их историю без кома в горле. Может улыбаться — не сквозь боль, а вместе с ней.

Потому что боль больше не была её тюрьмой. Она стала

частью её истории. Той самой, которая делает человека... человеком.

Теперь Мили знала: она пережила. Не просто выжила — а переродилась . И в этой новой версии себя было место и для памяти, и для надежды, и для будущего, которое больше не казалось пустым и холодным.

Оно просто ждало.

Глава 8

Мили сидела у окна, поджав колени к груди, и смотрела, как капли дождя рисуют на стекле причудливые узоры — такие же хаотичные, как её мысли. В комнате было тихо, только часы мерно тикали, отсчитывая секунды её одиночества.

«Почему так больно?» — снова и снова спрашивала она себя.

И вдруг поняла: потому что любовь — это не просто слово. Не просто мимолётно вспыхнувшее чувство. Это целая вселенная, которую они создавали вдвоём — по крупице, по взгляду, по случайному прикосновению. А теперь эта вселенная рухнула, оставив после себя лишь обломки воспоминаний.

Она закрыла глаза и попыталась осознать, что именно ранит сильнее всего.

Во-первых, это был разрыв привязанности. Она так привыкла к Егору, что уже не могла представить себя без него. Его голос, его смех, его руки — всё стало частью её самой. Теперь, когда его не было рядом, она ощущала себя неполной, будто из неё вырвали кусок души.

Во-вторых, рассыпались планы. В её воображении уже сложилась картина их будущего — пусть нечёткая, но такая тёплая. Они вместе гуляют по осеннему парку, смеются над

чем-то своим, пьют горячий чай в маленькой кофейне... Теперь эти мечты превратились в пыль, а ей предстояло учиться жить без этой опоры.

В-третьих, её тело предавало её. Мили знала: любовь — это химия. Дофамин, окситоцин, серотонин — эти невидимые нити связывали её с Егором крепче любых слов. А теперь их уровень падал, а на смену им приходил кортизол — гормон стресса. Отсюда — бессонница, отсутствие аппетита, постоянная усталость. Её организм словно отказывался принимать новую реальность. А ещё был страх. Страх одиночества, который подкрадывался по ночам. «А вдруг я больше никогда не буду любима? — думала она. — А вдруг это была моя единственная настоящая любовь?» Эти вопросы терзали её, хотя она понимала: ответа на них нет.

И самое мучительное — чувство несправедливости. Ведь их любовь была взаимной. Они действительно любили друг друга. Но расстояние, возраст, обстоятельства — всё это оказалось сильнее. И от осознания, что никто не виноват, боль не становилась меньше. Сердце не слушало разум.

Мили вздохнула и провела пальцем по холодному стеклу. Дружба — это тоже глубокая привязанность. А когда к ней добавляется влюблённость, ты открываешь человеку ещё больше граней себя. Ты позволяешь ему видеть тебя уязвимой, настоящей, без масок. И когда он уходит, остаётся пустота — словно из твоей жизни вырвали страницу, которую уже не вклеить обратно.

Она поймала себя на том, что прислушивается к звукам за дверью — вдруг он придёт? Машинально сохранила забавное видео, думая: «Надо отправить Егору», — и только потом осознала, что уже нельзя. Проснулась с мыслью: «Сегодня будет хороший день», — а потом вспомнила, что его нет, и мир снова стал серым.

Мили попыталась занять себя — взяла книгу, включила музыку, — но в тишине всё равно слышала его голос.

Она долго смотрела на дождь, на стекающие по стеклу капли, и вдруг поняла одну важную вещь.

Эта боль — не признак слабости. Это доказательство того, что она умеет любить глубоко, искренне, без оглядки. Что она позволила себе рискнуть, открыться, почувствовать — и это уже победа.

Да, сейчас кажется, что так будет всегда. Что эта боль — вечная. Но время действительно лечит. Не мгновенно, не безболезненно, но постепенно:

- Сначала она перестанет плакать каждый день.
- Потом сможет думать о нём без кома в горле.
- Затем начнёт замечать маленькие радости: ароматы, улыбки незнакомцев, красивые закаты.
- И однажды поймёт: она всё ещё помнит, но уже не страдает.

Это не значит, что чувства были ненастоящими. Это значит, что она жива. Что её сердце способно и любить, и исцеляться.

Мили выпрямилась, глубоко вдохнула и тихо прошептала:
— Я пережила это. И стала сильнее.

Глава 9

Дни медленно выстроились в привычный ритм. Мили снова брала в руки книги — сначала с усилием, потом всё естественнее, — и ловила себя на том, что погружается в текст, забывается, даже улыбается чему-то между строк. Учёба, как тихая гавань, принимала её в свои объятия: конспекты, лекции, дедлайны — всё это требовало внимания, не оставляя места бесконечным мыслям о прошлом.

Внешне казалось, что она вернулась. Та самая Мили — собранная, любознательная, с лёгким блеском в глазах. Она смеялась с подругами, обсуждала планы, выбирала одежду с придирчивостью, которой давно не чувствовала. Но стоило остаться одной — тишина тут же наполнялась его образом.

Он жил в мелочах:

- в запахе осенних листьев, напомнившем их прогулки;
- в песне, которую они слушали вместе;
- в случайном взгляде парня в метро — таком же открытым, как у него;
- в тишине ночи, когда она закрывала глаза и видела его улыбку.

Мили не гнала эти воспоминания. Она научилась с ними сосуществовать — как с тихой музыкой на фоне, то грустной, то тёплой.

Иногда, лёжа в постели, она задумывалась о будущем. Не о том, где и когда они могли бы встретиться снова (эта дверь была закрыта), а о другом — о том, каким может быть новый человек в её жизни.

Она представляла:

- как снова будет волноваться перед первым свиданием;
- как чьи-то пальцы осторожно коснутся её ладони;
- как чужой голос спросит: «О чём ты мечтаешь?»;
- как она снова почувствует, что её видят, слышат, хотят узнать.

И да, она думала о сексе. Не с жаром, не с отчаянием, а с тихим любопытством. Ей хотелось не просто физической близости — ей хотелось, чтобы это было серьёзно. Чтобы за каждым прикосновением стояла история, доверие, взаимность. Чтобы это не было мимолётно, а стало ещё одной главой в её жизни — главой, которую она напишет с кем-то, кто будет рядом не на неделю, не на месяц, а дольше.

Она знала: это случится не завтра. Возможно, не в этом году. Но когда-нибудь — обязательно.

А пока она училась жить в этом промежутке: между «было» и «будет». Между памятью и надеждой. Между одиночеством и ожиданием.

И в этой тишине, в этих мыслях, в этих маленьких шагах вперёд она постепенно обретала новую себя — не ту, что была до Егора, и не ту, что страдала после него. А другую. Более зрелую. Более цельную. Более готовую к тому, что ждёт

впереди.

Однажды утром она проснулась и поняла: она больше не считает дни с момента расставания. Она просто живёт. И это уже победа.

Глава 10

Ночь опустилась тихо, окутав комнату бархатной тьмой. Мили уснула незаметно — просто закрыла глаза, и мир вокруг растворился. А потом... Сон.

Она оказалась в кафе. Не в том, что было рядом с её домом, а в каком-то другом — светлом, с большими окнами, за которыми мерцали огни незнакомого города. Пахло корицей и свежесваренным чаем. Она сидела у окна, обхватив ладонями тёплую кружку, и думала о чём-то неясном, лёгком, как дымка.

И вдруг — звук открывающейся двери.

Мили невольно повернула голову. На пороге стоял парень. Высокий, с чуть растрёпанными волосами, в простом свитере, но в его осанке, в том, как он оглядел зал, было что-то до боли знакомое.

Её сердце замерло.

Это был он.

Егор.

Время будто сжалось в один миг. Двенадцать лет разлуки, сотни невысказанных слов, тысячи воспоминаний — всё схлынуло, оставив только это: он здесь.

Не раздумывая, Мили вскочила. Стул с тихим скрипом отъехал назад. Она шла к нему, и с каждым шагом в гру-

ди разрасталось странное чувство — не только радость, но и лёгкая дрожь, будто она снова та девушка из санатория, впервые ощутившая вкус его поцелуя.

— Егор... — её голос дрогнул. — Столько времени прошло. А я тебя узнала.

Он улыбнулся. Не растерянно, не натянуто — искренне, так, как умел только он.

— Я тоже тебя узнал. Сразу.

Они стояли друг напротив друга, и между ними витало что-то неосязаемое — то, что не ушло, не стёрлось, не растворилось в годах.

— Давай сядем? — предложил он, кивнув на свободный столик.

Миля кивнула.

Они устроились друг напротив друга. Между ними — чашка чая, которую она машинально подвинула ближе, и тишина, полная невысказанных вопросов.

— Ты... как ты? — наконец спросила она, боясь услышать ответ, но ещё больше боясь не спросить.

Егор провёл рукой по волосам — тот самый жест, который она помнила.

— Нормально. Но... — он замолчал, подбирая слова. — Я часто думал о тебе. О том, как всё сложилось. О том, что могло бы быть.

Её пальцы сжали край стола.

— И я.

Он посмотрел ей в глаза — так, как когда-то давно, в полумраке санатория, когда слова были не нужны.

— Знаешь, — тихо сказал он, — я до сих пор помню тот наш первый поцелуй. И ещё... — он запнулся, но продолжил: — Я думал о том, как могло бы быть дальше. О нас. О том, чего мы не успели.

Миля почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Это было не просто воспоминание — это было признание, тихое, но весомое.

— Я тоже думала, — призналась она. — О том, как всё могло сложиться. О том, что мы упустили.

Егор наклонился чуть вперёд.

— Но ведь это не значит, что всё потеряно.

Она замерла.

— Что ты имеешь в виду?

Он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у неё, когда-то замирало сердце.

— Мы здесь. Мы нашли друг друга снова. И теперь у нас есть выбор.

В этот момент сон начал расплываться. Кафе, его лицо, его голос — всё стало таять, как утренний туман. Миля попыталась ухватиться за эти мгновения, но они ускользали, оставляя лишь тёплое послевкусие.

Она проснулась.

В комнате было тихо. За окном — рассвет, мягкий, розовый. Она лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как в груди

бьётся что-то новое — не боль, не тоска, а... надежда.

Сон. Всего лишь сон.

Но в нём было столько правды, столько невысказанного, столько возможности, что она впервые за долгое время подумала:

«А что, если однажды это станет реальностью?»

Глава 11

Мили лежала в постели, глядя, как рассветный свет робко пробивается сквозь занавески. Сон ещё дрожал в памяти — яркий, почти реальный: кафе, незнакомый город, его лицо... Егор. Она мысленно вернулась к тому мгновению, когда их взгляды встретились. Как будто время схлопнулось, и все эти годы разлуки превратились в тонкую плёнку, которую можно было проткнуть одним прикосновением.

«Земля круглая», — подумала она вдруг. Эта простая мысль, словно тёплый луч, проникла вглубь, растопляя застывшую льдинку боли. Не наивная надежда, не призрачная мечта — а тихое, уверенное знание: всё возможно.

Она представила, как это может быть:

— случайная встреча в аэропорту, когда она, торопясь на рейс, вдруг увидит его в очереди у стойки регистрации;

— взгляд, задержавшийся на знакомом профиле в вагоне метро;

— голос, окликающий её по имени на шумной улице чужого города.

И в каждом из этих воображаемых сценариев было одно и то же: его глаза, в которых — как и прежде — светилось что-то только для неё. Мили села на кровати, обняла колени и улыбнулась. Не нужно бежать, искать, дёргаться в попыт-

ках ускорить время. Всё случится тогда, когда нужно. А пока... пока можно просто жить.

Жить — и знать, что где-то есть он. Что он тоже дышит, мечтает, идёт своей дорогой. Что однажды их пути снова пересекутся — не по воле случая, а по закону той самой круглой земли, которая, как ни крути, всегда возвращает нас туда, где нас ждут.

Она встала, подошла к окну и распахнула створки. Воздух был свежим, пахло дождём и молодыми листьями. Где-то там, за горизонтом, был он. И это знание больше не ранило — оно согревало.

«Я не тороплюсь, — подумала она. — Я просто жду».

И впервые за долгое время в этой тишине, в этом ожидании не было тоски. Было спокойствие. Было доверие к жизни. Было чувство, что всё — всё — идёт так, как должно.

Потому что земля круглая.

И если ты не потерялся в себе, то рано или поздно встретишь того, кто тебе предназначен.

Глава 12

Это звучало как рубеж, как дверь, за которой — новая жизнь. Мили смотрела на себя в зеркало и пыталась уловить перемены: в линии подбородка, во взгляде, в том, как теперь сидела на ней одежда. Что-то точно изменилось. Но чего-то всё ещё не хватало.

В её окружении по-прежнему не было того самого человека. Никого, кто заставил бы сердце биться чаще. Никого, с кем можно было бы говорить до рассвета или молчать, чувствуя, что молчание — это тоже разговор.

Но в последнее время внутри крепла уверенность: скоро. Что-то должно было произойти. Она чувствовала это в утреннем воздухе, в случайном смехе незнакомцев на улице, в ритме дождя по крыше. Мир словно шептал: «Готовься. Всё вот-вот изменится».

И оно изменилось.

Однажды на занятиях объявили, что в соседнем городе открылся огромный спортивный комплекс — с бассейном, стадионом, десятком секций. Для набора групп организовали совместные занятия: раз в неделю, и они будут ездить туда на автобусе.

Мили слушала объявление, а внутри всё сжалось от предвкушения.

«Вот оно», — подумала она. — «Там точно можно кого-то встретить».

Она перебирала в уме варианты:

— бассейн — красиво, но слишком много людей в купальниках, неловко;

— лёгкая атлетика — скучновато, беги себе по кругу;

— танцы — слишком близко к теме чувств, а она пока не готова так открываться.

И тогда её взгляд упал на расписание дзюдо.

Единоборства.

Что-то в этом слове будоражило. Сила. Контроль. Дисциплина. И — что уж скрывать — много парней. Крепких, сосредоточенных, умеющих держать удар.

«Я попробую», — решила она.

В первый день занятий она стояла у входа в зал, сжимая в руках новенькую спортивную форму. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышат все. Внутри — смесь страха и азарта: а вдруг? А вдруг именно сегодня?

Она вошла. Зал пах деревом, кожей и потом — терпкий, мужской запах силы. Где-то вдалеке слышались удары по матам, голоса, команды тренера. Мили медленно огляделась. Они были везде.

Парни разного возраста, роста, комплекции. Кто-то разминался, кто-то отрабатывал броски, кто-то смеялся, переговариваясь с товарищами. В каждом движении — энергия, жизнь, потенциал.

Она вдохнула глубже.

«Здесь. Именно здесь всё начнётся».

Мили подошла к тренеру, представилась, получила указания. Когда она заняла место в строю, её взгляд случайно скользнул по группе старших ребят у дальней стены. Один из них — высокий, с короткими тёмными волосами, сосредоточенный — как раз выпрямился после броска. Его глаза на мгновение встретились с её взглядом.

Ничего особенного. Просто случайный контакт.

Но внутри что-то дрогнуло.

Она отвернулась, делая вид, что слушает тренера, но краем глаза продолжала наблюдать. Он снова взялся за отработку приёма — чётко, уверенно, без лишних движений.

«Может быть», — подумала Мили, чувствуя, как теплеют щёки. — «Может быть, это он».

Она не знала, прав ли её внутренний голос. Не знала, сколько времени пройдёт, прежде чем что-то случится. Но впервые за долгое время она не просто ждала — она готовилась.

— Готовилась к встрече.

— Готовилась к чувству.

— Готовилась к тому, что изменит её жизнь.

Потому что теперь у неё было место. Место, где всё могло начаться.

Глава 13

Автобус наполнялся шумом после занятий: смех, переключка имён, хлопки открывающихся рюкзаков. Мили стояла у двери, пропуская поток ребят из параллельного класса и соседних заведений. Она рассеянно скользила взглядом по лицам — всё это было фоном, неважным, далёким от её настоящих мыслей.

И вдруг — стоп. Он стоял в потоке, словно выпав из другого мира. Абсолютно белые волосы — не просто светлые, а снежные, с едва уловимым перламутровым отблеском. Брови — такие же, чуть с желтоватым оттенком, как у альбиноса. Ресницы — призрачно-светлые, почти невидимые. А губы... пухлые, яркие, неправдоподобно контрастирующие с этой ледяной палитрой лица.

«Инопланетянин», — мелькнуло у неё.

Он повернул голову, и на мгновение их взгляды пересеклись. В его глазах — ни интереса, ни вызова, просто мимолетное любопытство. А затем он шагнул дальше, растворяясь в толпе, а Мили так и осталась стоять, будто замороженная этим мгновением.

Но долго думать о нём не получилось.

Мысли тут же унесли её туда, куда стремились всё последнее время — к залу дзюдо, к тем ребятам, с которыми она

уже успела обменяться парой слов, провести спарринги, поймать на себе взгляды.

«А тот, высокий, с короткой стрижкой? Он вроде симпатичный... — она мысленно прокрутила его образ. — А может, парень из третьей группы? Мы с ним были в спарринге — он сильный, но вежливый. Или вот тот, что всегда улыбается, когда тренер делает замечания...»

Образы сменяли друг друга, как кадры в кино: чьи-то руки в захвате, чей-то смех после неудачного броска, чей-то взгляд, задержавшийся на ней чуть дольше, чем нужно. Она пыталась угадать, кто из них — тот самый, кто заставит её сердце биться иначе.

Автобус тронулся.

Колёса застучали по асфальту, гул двигателя стал ровнее, голоса вокруг притихли. Мили прислонилась к окну, подложила ладонь под щеку — и не заметила, как провалилась в полудрёму.

Во сне ей виделись татами, движения в медленном ритме, чьи-то глаза, смотрящие на неё с интересом. И где-то на краю этого сна — тот самый блондин, но уже не чужой, а вписанный в её мир, как недостающий кусочек мозаики.

Она не знала, что это был знак.

Просто ещё один штрих в картине её жизни, которая медленно, незаметно, но изменилась.

Глава 14

Мили едва переступила порог дома, как телефон в руке дрогнул — пришло сообщение. Она скользнула взглядом по экрану и замерла.

— «Я тебя люблю. Ты самая-самая. Такая нежная, такая настоящая. Я тебя всю жизнь искал».

Она моргнула, перечитала ещё раз. Номер незнакомый. Ни имени, ни намёка на то, кто это может быть.

«Ошибся? Прикол?» — мелькнуло в голове.

Но следующее сообщение не дало времени на раздумья:

— «Скажи, что ты меня любишь. Почему ты не говоришь мне, что любишь меня?»

Мили почувствовала, как внутри поднимается волна растерянности. Это не было похоже на шутку. Слишком настойчиво. Слишком... странно.

Она набрала ответ, пальцы слегка дрожали:

— Как же я могу сказать, что люблю, если я даже не знаю, кто ты? Как ты выглядишь?

Пауза. Долгая. Настолько, что она успела подумать: «Ну вот, сейчас начнёт грубить или исчезнет».

Но телефон снова ожил:

— «Меня зовут Максим. И я люблю тебя».

Мили тихо выдохнула.

Максим. Просто Максим. Который любит меня, хотя мы никогда не встречались.

В голове крутились вопросы:

— Откуда он знает мой номер?

— Почему выбрал именно меня?

— Это вообще всерьёз?

Она не чувствовала страха — скорее острую, почти болезненную любопытство. Хотелось понять. Разобраться. Поставить точку.

И тогда она написала:

— Давай так. Мы должны познакомиться для начала. Завтра после занятий все автобусы едут на заправку. Все выходят по правилам — я выйду из своего автобуса на середину заправки, а ты выходи из своего. Я тебя буду ждать.

Нажала «Отправить» и тут же пожалела.

«Что я делаю? Это же безумие!»

Но отступить было поздно.

Она опустилась на кровать, прижала телефон к груди и закрыла глаза. В ушах стучало: как можно признаваться в любви человеку, которого не знаешь? Как можно требовать от него ответных чувств, если между вами — пустота, имена и цифры?

Это казалось бредом. Абсурдом. Но в этом абсурде было что-то завораживающее — как в тёмной воде, в которую хочется заглянуть, несмотря на страх.

Мили знала: завтра она увидит его. Узнает, кто скрывает-

ся за этими словами. И тогда — либо всё станет на свои места, либо...

Либо начнётся что-то новое.

Что-то, чего она пока не могла ни назвать, ни предугадать.

Глава 15

День тянулся невыносимо долго. На занятиях Мили то и дело оглядывалась, пытаясь уловить хоть намёк — чей-то задержавшийся взгляд, смущённую улыбку, какой-то знак. Но всё было как обычно, все шутили, учитель объяснял материал, за окном плыли облака — мир жил своей жизнью, будто ничего не случилось.

А внутри неё всё дрожало.

«Кто же он?»

После занятий она почти бегом бросилась к автобусу, сердце колотилось, где-то в горле. В голове — только одна мысль: «Сейчас всё выяснится».

Автобус тронулся. Минуты тянулись, как резина. Мили сжимала край куртки, то и дело поглядывая в окно. Вот и заправка. Остановка. Двери распахнулись.

Она вышла. Одна. Сердце билось так громко, что, казалось, заглушало все звуки вокруг. Слева — её автобус, все смотрят. Справа — тот самый параллельный, откуда должен был выйти он. Но никто не двигался. Никто не шёл.

Мили стояла посреди площадки, и с каждой секундой одиночество становилось всё ощутимее. Она вдруг почувствовала себя выставленной на показ — как будто весь мир замер, наблюдая за её поражением.

«Он не придёт. Это была шутка. Или ошибка».

Тоска накатила волной — холодная, липкая, давящая. Ей казалось, что она стоит здесь уже вечность. Одна. В пустоте.

И когда по громкой связи объявили: «Автобусы отправляются», — она уже готова была шагнуть назад, к двери, чтобы спрятаться, исчезнуть, забыть...

Но тут — движение.

Справа, из-за спин, вышел он.

Тот самый блондин.

Мили замерла. В голове — пустота. Только его фигура, приближающаяся, словно в замедленной съёмке.

Он подошёл. Смущённый, чуть краснеющий, но решительный.

— Привет... — прошептал он.

И тут же развернулся, бросился к своему автобусу.

Мили осталась стоять.

В ушах звенело.

«Это... он? Но почему?»

Она села в автобус, ещё не успев осознать, что произошло.

Все тут же окружили её вопросами:

— Почему Никита к тебе вышел?

— Это же Максим... — растерянно ответила она.

— Не знаем такого. Это Никита. Он с нами на стрельбу ходит.

Разговоры, смешки, недоумённые взгляды — всё слилось в один гул.

Ситуация, которая должна была всё прояснить, лишь запутала ещё больше.

Почему он назвался другим именем? Почему для всех он — Никита, а для неё — Максим? Что это было — игра, ошибка, или... что-то большее?

Но одно Мили поняла точно:

Это было смело.

Стоять перед всеми, выйти навстречу неизвестности — и сделать это. Не прятаться, не отступать, а просто... подойти.

Её мысли снова и снова возвращались к нему: к его белым волосам, к смущённой улыбке, к тому мгновению, когда он сказал: «Привет...»

И теперь, закрыв глаза, она уже не могла представить его иначе — только как того самого.

Как человека, который, возможно, изменит всё.

Глава 16

Мили едва успела переступить порог дома, скинуть рюкзак и опуститься на диван, как телефон в руке дрогнул снова от звонка. Она взглянула на экран — номер незнакомый. Сердце ёкнуло: «Он?»

Нажала «Принять».

— Привет, — раздался голос. Тот самый. Тихий, чуть сбивчивый, но теперь отчётливо узнаваемый.

Мили сглотнула, пытаясь собраться с мыслями.

— Привет... еле пробормотала она от смущения.

— Это Никита. Я к тебе сегодня подошёл на заправке.

Она замерла. В голове — вихрь: «Значит, это правда был он. Но почему?...»

— Ты извини, — продолжил он, — Максим — это мой знакомый. Он затеял это с тобой. Он так делает со всеми девушками, признается им в любви, но это не правда всё. Я краем уха услышал, что он должен был выйти к тебе, но... он упал под кресла автобуса и ни в какую не хотел вылезать. Он, понимаешь... просто трус. Не знаю. Для чего он такое делает...

Мили невольно улыбнулась. Не зло, не с насмешкой — с облегчением. Как будто тяжёлый камень, давивший на грудь, вдруг рассыпался в пыль.

— А я не смог смотреть на тебя, — голос Никиты стал тише, но твёрже. — Ты стояла одна. Мне стало так жаль тебя... Ты не виновата, что он такая гнида. И я подумал: нельзя, чтобы над тобой потом смеялись, чтобы тебе было больно. Вот и решил выйти за него. Просто... ты очень симпатичная. И не хотелось, чтобы с тобой так поступили.

Слова повисли в воздухе — тёплые, искренние, как солнечный луч сквозь тучи. Мили закрыла глаза, пытаясь осознать всё сразу: обман Максима, смелость Никиты, этот неожиданный звонок.

— Спасибо, — прошептала она, и в этом «спасибо» уместилось больше, чем она могла выразить словами.

Но Никита уже не ответил. На том конце раздался тихий щелчок — он положил трубку.

Мили опустила телефон на колени и долго сидела так, глядя в окно. В комнате было тихо, только часы на стене отсчитывали секунды, будто ставя точку в этой странной истории.

Теперь всё стало на свои места.

Максим — трус, прячущийся под креслами автобуса. Никита — тот, кто не побоялся выйти, кто увидел её одиночество и решил его прервать. Не ради шутки, не ради славы, а просто... потому что не смог иначе.

Она вспомнила его лицо — белые волосы, смущённую улыбку, взгляд, в котором не было ни насмешки, ни игры. Только искренность.

«Он спас ту ситуацию», — подумала она. — «Спас меня».

Не от беды, не от опасности — от унижения, от горького послевкусия обмана, от ощущения, что ты никому не нужна.

И вдруг поняла: это не конец.

Это начало.

Потому что теперь она знала — есть человек, который увидел её не как случайный объект для шутки, а как... человека, девушку. Как кого-то, кого стоит защищать.

Мили глубоко вдохнула, улыбнулась и тихо сказала вслух — словно для себя, будто для него, будто для будущего:
— Спасибо, Никита.

Глава 17

Мили долго решалась. Мысль о том, чтобы подойти к Никите и сказать «спасибо», жила в ней с того самого звонка — тёплая, чуть тревожная, но настойчивая. Она представляла разные варианты: написать сообщение? Встретить у стадиона? Но всё казалось ненастоящим, недостойным того, что он сделал.

Наконец она выбрала путь сложнее, но честнее.

Вместо дзюдо — на стрельбище.

Она пришла тихо, незаметно, встала в стороне, за невысокой оградой. Зал наполнялся звуками: щелчки затворов, глухие удары пуль в мишени, короткие команды тренера. Никита был там — сосредоточенный, с лёгкой складкой между бровями, когда прицеливался. Его белые волосы в ярком свете ламп казались почти прозрачными.

Мили наблюдала.

Он двигался уверенно, но без показной бравлады. После каждого выстрела чуть наклонял голову, анализируя результат. В нём не было ни тени того позёрства, что она видела в других парнях. Только спокойствие, только деловитость.

«Он не из тех, кто делает что-то напоказ», — подумала она. — «Он просто... делает».

Она дождалась конца занятия. Когда группа вышла из за-

ла, Никита заметил её не сразу. Мили шагнула вперёд — и он замер, будто не веря своим глазам.

— Привет, — сказала она тихо. — Спасибо, что спас меня.

Он смущённо отмахнулся:

— Да не стоит. Всё нормально.

Но в его голосе не было небрежности — только неловкость человека, не привыкшего к благодарности.

Они заговорили. Сначала осторожно, словно прощупывая почву. Потом — свободнее, легче. Оказалось, Никита увлекается не только стрельбой: он читает фантастику, любит старые фильмы, мечтает, когда-нибудь отправиться в поход по горам. Мили слушала, улыбалась, вставляла реплики — и вдруг поняла, что ей приятно с ним говорить. Не из вежливости, не ради галочки, а потому что его мысли, его интонации, даже паузы между словами — всё это отзывалось в ней теплом.

Вместе они пошли к автобусам. Разговор лился сам собой — о школе, о планах, о мелочах, которые вдруг становились важными. Мили рассказывала, как впервые пришла на дзюдо, как боялась первого спарринга, как потом поняла, что это не просто борьба, а способ почувствовать своё тело, свои границы. Никита слушал внимательно, не перебивал, иногда улыбался — и эта улыбка делала его лицо мягче, человечнее.

На остановке они остановились. Автобусы уже подъезжали, но ни один из них не спешил сесть.

— Знаешь, — сказала Мили, глядя на закатное небо, — я думала, что тот день на заправке станет для меня стыдным воспоминанием. А теперь... теперь он кажется началом чего-то.

Никита посмотрел на неё — долго, серьёзно.

— Иногда самое важное происходит не по плану, — ответил он. — Просто потому, что кто-то решается сделать шаг.

Мили кивнула.

В этот момент она поняла: у них много общего. Не в увлечениях, не в привычках — а в чём-то более глубоком. В умении видеть за случайностью — смысл. В готовности быть честным, даже если это неудобно. В способности не отворачиваться от чужой боли.

Автобусы подали сигнал.

— До встречи, — сказала Мили.

— До встречи, — повторил Никита.

И когда она села в автобус, то почувствовала между ними тепло.

Глава 18

Тот вечер начался как обычный: ужин, домашние дела, тихий шум телевизора в соседней комнате. Но как только Мили осталась одна в своей комнате, пальцы сами потянулись к телефону. Она набрала номер Никиты — уже наизусть выученный — и прижала трубку к уху.

— Привет, — его голос прозвучал так тепло, будто они не расставались после сегодняшней встречи.

— Привет, — и понеслось.

Сначала говорили о пустяках: о том, что видели по дороге домой, о смешном случае на занятиях, о погоде, которая никак не могла определиться — то ли лить дождём, то ли сиять солнцем. Потом перешли к серьёзному: делились мечтами, страхами, воспоминаниями из детства. Мили рассказывала, как в семь лет пыталась научить кошку кататься на льду, а Никита — как в тайне от родителей собирал модель самолёта, которая в итоге развалилась при первом запуске.

Они смеялись. Молчали. Снова говорили.

Телефон нагревался в руке, экран мигал, предупреждая о низком заряде, но они всё равно продолжали. Пять часов. Пять бесконечных, удивительных часов, за которые мир снаружи будто перестал существовать. Мили думала, что мало кто, в мире, так много говорит по телефону.

Миля лежала на кровати, поджав колени, и чувствовала, как внутри разгорается что-то новое — лёгкое, радостное, почти невесомое. Она никогда раньше не разговаривала с кем-то так долго, так искренне. С Никитой слова лились сами собой, без усилий, без страха сказать что-то не то.

Когда наконец они попрощались, за окном уже было темно. Миля положила телефон на тумбочку и закрыла глаза. В голове всё ещё звучал его голос, его смех, его интонации. Она улыбнулась и прошептала:

— Это было... волшебно.

На следующий день Никита встретил её у входа в спорт-комплекс после тренировки. Он немного нервничал — тербил край куртки, поглядывал на неё искоса, будто проверяя, не передумала ли она.

— Слушай, — начал он, когда они отошли в сторону от толпы, — а давай... ну, в общем, прогуливать занятия?

Миля удивлённо подняла брови:

— Как это?

— Просто... — он замялся, но тут же собрался с духом. — Мы будем делать вид, что идём на свои секции, а сами будем приходить к автобусам после, как будто мы были со всеми на тренировках. И проводить время вместе. Ну, знаешь... разговаривать, гулять, просто быть рядом. Она замерла.

С одной стороны — страх. Что, если преподаватели заметят? Что, если родители узнают? Что, если всё это обернётся неприятностями? С другой — желание. Сильное, почти фи-

зическое. Желание быть с ним. Не пять часов по телефону, а здесь, сейчас. Видеть его улыбку, слышать его смех, чувствовать, как между ними возникает что-то большее, чем просто дружба.

Никита смотрел на неё, ожидая ответа. В его глазах читалась надежда — и лёгкая тревога, будто он боялся, что она откажет.

Мили глубоко вдохнула и улыбнулась:

— Давай.

Его лицо тут же озарилось.

— Правда?

— Да.

Он рассмеялся — громко, радостно, и этот смех подхватила она, и вот уже они стояли, смеясь, как два заговорщика, как два человека, которые только что придумали нечто невероятно важное.

— Тогда... завтра? — спросил Никита.

— Завтра, — подтвердила Мили.

И в этот момент она поняла: это не просто прогул занятий. Это шаг. Шаг в новое, неизведанное, но такое манящее.

Шаг к нему.

Глава 19

Они гуляли неподалёку от спортивного комплекса — не спеша, никуда не торопясь. Просто шли рядом, то сбиваясь на смех, то погружаясь в разговор, то вдруг замолкали, наслаждаясь тишиной, которая совсем не казалась неловкой.

Миши ловила себя на мысли: это уже больше, чем дружба.

Больше — потому что сердце билось чаще, когда Никита случайно касался её руки. Потому что его взгляд заставлял внутри что-то трепетать. Потому что ей хотелось быть с ним всегда — не пять минут между занятиями, не час у автобуса, а бесконечно долго.

Она поглядывала на него искоса, замечая детали, которые раньше ускользали: как свет играет в его белых волосах, как морщится нос, когда он смеётся, как серьёзно смотрит он вперёд, будто обдумывая что-то важное.

— Ты о чём думаешь? — спросила она, не выдержав.

Он улыбнулся, но не сразу ответил. Потом тихо сказал:

— О том, что... наверное, я больше не могу просто дружить.

Миши замерла. В груди — вихрь: радость, страх, волнение, неверие.

Они остановились. Вокруг — стадион, шуршащие листья, вдалеке — гул голосов: две группы ждали автобусы внизу, у

главного входа. А они — наверху, в своём маленьком мире.

Никита повернулся к ней. Взгляд — прямой, чуть смущённый, но решительный.

— Давай я тебя поцелую.

Мили вздрогнула.

— Ты чего? Все же увидят!

Но он уже шагнул ближе.

И вот — его губы коснулись её губ.

Нежно. Осторожно. Так, что внутри всё оборвалось и тут же взлетело куда-то вверх. Его губы были мягкими, тёплыми, удивительно правильными — как будто именно такими они и должны быть.

Она закрыла глаза, растворяясь в этом мгновении. Время остановилось. Мир сузился до одного ощущения — его дыхания, его рук, легко придерживающих её за плечи, его тепла, которое проникало сквозь куртку.

Когда он отстранился, Мили ещё секунду стояла с закрытыми глазами, пытаясь удержать это чувство. Потом медленно открыла их — и тут же вся покраснела.

Внизу, у автобусов, стояли две группы людей. И все — все без исключения — смотрели на них. Кто-то улыбался, кто-то перешёптывался, кто-то откровенно ахал.

Мили прижала ладони к пылающим щекам.

Но Никита только рассмеялся — спокойно, уверенно — и взял её за руку.

— Пойдём, — сказал он. — Теперь им точно есть на что

посмотреть.

Они спустились вместе — не прячась, не торопясь, рука в руке. И пусть взгляды жгли спину, пусть осуждения летели вслед, Мили чувствовала только одно: это правильно.

У автобуса Никита обнял её на прощание — крепко, по-настоящему, так, что сердце снова зашло в бешеной пляске.

— До завтра? — спросил он.

— До завтра, — прошептала она.

Мили села в автобус, прижалась лбом к холодному стеклу. Щеки всё ещё горели, губы помнили его прикосновение, а в груди распускалось что-то новое — светлое, трепетное, настоящее.

Она украдкой улыбнулась.

Теперь всё изменилось.

И это было... прекрасно.

Глава 20

Дни текли, как тёплый весенний ручей — легко, стремительно, пьяняще. Мили и Никита продолжали свой тайный ритуал: притворяться, будто идут на занятия, а вместо этого — сбегать, гулять, говорить без остановки, целоваться до головокружения.

Их мир расширялся от укромных уголков возле спортивного комплекса, до скамеек в парке неподалёку и коротких перебежек между зданиями, где никто не мог их увидеть. В этих мгновениях они были по-настоящему свободны — свободны от расписания, от взглядов, от правил.

Мили ловила себя на том, что думает о Никите постоянно. Даже ночью, закрывая глаза, она видела его улыбку, слышала его голос, вспоминала тепло его рук. А потом мысли уводили её дальше — туда, куда раньше она не решалась заходить.

Она фантазировала.

Ярко, жарко, до дрожи.

Как они оказываются в раздевалке — тихо, быстро, затаив дыхание. Как он прижимает её к стене, как её пальцы пушаются в его рубашке, как его губы находят её шею, плечи, грудь... Она представляла, как они прячутся в заброшенном флигеле за спорткомплексом, как забираются на чердак старого дома, как...

Фантазии множились, переплетались, становились всё смелее. Мили перебирала варианты, мысленно проигрывала сценарии, и от этого внутри разгоралось что-то новое — острое, незнакомое, но невероятно притягательное.

По вечерам, оставшись одна, она позволяла этим образам завладеть ею полностью. Закрывала глаза, вспоминала его прикосновения, его запах, его шёпот — и позволяла себе то, о чём днём могла лишь мечтать. Её пальцы повторяли путь его ладоней, её дыхание сбивалось в такт воображаемым поцелуям, а в голове крутилось только одно имя: Никита.

Но однажды реальность ударила резко, как холодный дождь.

На общем собрании объявили: поездки на занятия временно прекращаются. Спортивный комплекс закрывается на ремонт.

Всё. Конец.

Мили стояла в коридоре, слушала равнодушный голос директора и чувствовала, как внутри что-то трескается.

«Больше не будет встреч», — билось в голове.

«Не будет его рук».

«Не будет этих поцелуев».

«Не будет... этого».

Она вдруг осознала, что так и не решилась. Что все её фантазии остались лишь в мыслях, в мечтах, в ночных полудрёмах. Она не успела. Не успела почувствовать его по-настоящему, не успела узнать, каково это — быть с ним пол-

ностью.

В груди разрасталась тоска — горькая, тягучая.

«А как же секс? — думала она, сжимая кулаки. — Я ведь даже не попробовала. Я ведь так хотела...»

Вечером она лежала на кровати, глядя в потолок, и представляла, как всё могло бы быть. Как они находят укромное место, как он смотрит на неё — не просто с нежностью, а с желанием, как его руки скользят по её телу, как...

Но теперь это были лишь мечты.

И от этого становилось ещё больнее.

Мили закрыла глаза, глубоко вдохнула. Где-то там, за горизонтом, ждал Никита — её тайный, её желанный, её почти — но пока ещё не настоящий.

Она не знала, что будет дальше.

Но точно знала: она не хочет отпустить.

Глава 21

Дни потянулись тягучей чередой — однообразные, серые, будто выцветшие от тоски. Мили и Никита продолжали общаться лишь по телефону: вечера сливались в единый поток слов, признаний, воспоминаний. Они говорили по пять — семь часов кряду, пока экраны не раскалялись в руках, а батареи не сдавались с жалобным писком.

Но голос — даже самый родной — не мог заменить тепла его рук, взгляда, улыбки, прикосновения губ.

Мили ловила себя на том, что машинально проводит пальцами по нижней губе, воскрешая ощущение его поцелуя. Закрывала глаза — и вот он рядом: смеётся, шепчет что-то, берёт её за руку... А потом реальность возвращалась, и пустота вокруг становилась ещё ощутимее.

— Я так хочу тебя увидеть, — шептала она в трубку.

— Я тоже, — отвечал Никита, и в его голосе звучала та же невысказанная тоска.

Они жили в разных городах — близко географически, но бесконечно далеко в плане возможности встретиться. Автобус, связывавший их прежде, больше не ходил. Спортивный комплекс был закрыт. Оставались только эти ночные разговоры, прерываемые зевотой и предупреждениями о низком заряде батареи.

Но однажды, в промозглый декабрьский вечер, когда за окном кружились первые снежинки, Мили вдруг замерла, услышав собственные мысли.

«Каникулы».

Она вскочила с кровати, схватила телефон, быстро набрала сообщение:

— Никита! У нас же скоро каникулы!

Он ответил почти сразу:

— Ну да... А что?

— Я могу поехать к сестре! Она живёт в том самом городе! — слова лились потоком, торопливые, взволнованные. — А ты? Ты сможешь приехать к своей тёте? Она ведь тоже там!

Тишина в трубке длилась секунду, две... А затем — его смех. Радостный, звонкий, как колокольчик.

— Смогу. Конечно, смогу!

И вдруг всё вокруг ожило.

Снег за окном перестал казаться холодным — он превратился в волшебную пыль, обещающую чудо. Улицы, которые ещё вчера выглядели уныло, теперь манили: вот здесь они пойдут вместе, вот тут зайдут в кафе, вот там останутся, чтобы поцеловаться под фонарём...

Мили села на кровать, прижала ладони к щекам. Они горели — не от мороза, а от предвкушения.

«Снова почувствовать его губы», — думала она, закрывая глаза. — «Снова ощутить, как его руки обнимают меня, как

его дыхание смешивается с моим...»

Фантазии нахлынули волной — на этот раз не горькие, не тоскливые, а яркие, живые, почти осязаемые. Она представляла, как они встречаются на вокзале, как он сразу же притягивает её к себе, как она зарывается лицом в его куртку, вдыхая родной запах. Как они гуляют по заснеженным улицам, смеются, пьют горячий шоколад, прячутся от ветра в маленьких переулках... И как, наконец, остаются одни — где-то в тихом месте, где никто не помешает им быть вместе.

Время теперь текло иначе. Оно больше не тянулось мучительно долго — оно летело, подгоняемое её нетерпением. Мили считала дни до каникул, как ребёнок считает дни до Нового года. Каждый вечер она засыпала с мыслью: «Ещё чуть-чуть. Ещё немного. И он будет рядом».

На занятиях она рассеянно слушала учителей, в тетради рисовала маленькие сердечки, а в голове крутилось только одно:

«Скоро. Скоро я увижу его. Скоро всё будет по-настоящему».

И когда первый снег укрыл город белым покрывалом, Мили поняла: это не просто зима.

Глава 22

Каникулы настали — словно распахнулась дверь в новую жизнь. Мили приехала к сестре, и сердце колотилось в такт колёсам поезда: «Скоро. Совсем скоро».

Она сразу же рассказала сестре о Никите — сбивчиво, торопясь, то и дело улыбаясь своим мыслям.

— Он тоже приедет сюда, — повторяла она. — Мы договорились встретиться.

Сестра слушала, прищурившись, с той особой, чуть насмешливой нежностью, с какой старшие смотрят на влюблённых младших.

— Ну что ж, — наконец сказала она. — Главное, чтобы всё было по-человечески.

День выдался ясным, морозным. Воздух звенел от холода, а солнце, низкое и яркое, окрашивало снег в розовые тона. Мили и её сестра гуляли по городу — смеялись, строили снежки, фотографировались на фоне украшенных к празднику улиц. Рядом шёл парень сестры — высокий, улыбочивый, то и дело подбрасывавший в воздух снежные комья.

Мили вдыхала зимний воздух и чувствовала: всё правильно. Всё на своих местах.

Они зашли в маленькое кафе, пили горячий шоколад с корицей, обсуждали планы на Новый год. Мили то и дело

поглядывала на телефон — ждала сообщения от Никиты. И когда экран наконец засветился, она едва сдержала улыбку.

«Я в городе. Через час буду там, где договорились, у сестры твоей».

Сердце подскочило к горлу.

— Ну что, — сказала сестра, заметив её волнение, — пора и к встрече готовиться?

Они вернулись домой — в ту самую квартиру, которую сестра снимала, пока училась в университете. Тёплая, пахнущая деревом и кофе, она казалась островком уюта посреди зимнего вечера.

Все вместе сели за стол. Чайник шумел, чашки дымились, а за окном медленно темнело, и в стёклах отражались огни города. Они смеялись, вспоминали смешные случаи из детства, обсуждали, куда пойти завтра. Мили ловила себя на том, что то и дело смотрит на дверь — будто Никита мог появиться прямо здесь, прямо сейчас.

Потом сестра встала, потянулась, посмотрела на часы.

— Мы с Димой, (ее парнем) пойдём в гости к его маме, — объявила она. — А вы тут... — она сделала паузу, многозначительно подняла бровь, — не шалите.

Мили вспыхнула, но сестра только рассмеялась и чмокнула её в макушку.

— Всё-всё, молчу. Но помни: я тебя люблю и переживаю.

Когда они ушли, квартира вдруг показалась слишком большой и слишком тихой. Мили осталась одна — ждать.

Она ходила по комнатам, трогала вещи, словно пытаясь успокоиться: вот плед, который вязала бабушка, вот фото в рамке, вот книга, забытая сестрой на столе. Всё было знакомым, родным — но сейчас это не помогало. Внутри всё дрожало от предвкушения.

Телефон завибрировал.

«Подхожу». Мили подошла к окну. На улице, в свете фонарей, появилась фигура. Он шёл быстро, чуть наклонив голову от ветра, и в этом движении было что-то до боли родное.

Она глубоко вдохнула. «Сейчас всё начнётся».

Глава 23

Дверь открылась — и вот он.

Никита. Без слов. Без предисловий.

Они шагнули друг к другу, и губы встретились в поцелуе — жадном, отчаянном, будто пытались наверстать все дни разлуки за одно мгновение. Мили прижалась к нему, чувствуя, как дрожит всё внутри: от радости, от тепла, от невероятного, почти болезненного облегчения — он здесь.

Руки Никиты скользили по её спине, плечам, лицу — будто он тоже не мог поверить, что она рядом. Поцелуи становились глубже, настойчивее, и Мили отвечала, растворялась в них, теряла себя в этом вихре чувств.

Они опустились на диван — не размыкая объятий. Мир сузился до его прикосновений, до его дыхания, до биения двух сердец, слившихся в одном ритме.

Никита начал раздевать её — медленно, бережно, но с таким внутренним огнём, что Мили чувствовала: он едва сдерживается. Его пальцы дрожали, когда расстёгивали пуговицы, когда снимали с неё одежду — каждый жест был полон благоговения и желания.

Когда он аккуратно снял с неё трусики, Мили вздрогнула.

Никто и никогда не делал с ней такого.

Это было интимно до мурашек — не просто физическое

обнажение, а будто кто-то впервые увидел её настоящую, без масок, без защитных барьеров. Она любила его. Безумно любила. И хотела — так сильно, что внутри всё горело.

Но...

Где-то в глубине души, за пеленой страсти, пульсировал страх. Тихий, но твёрдый. Она не готова. Она видела его глаза — тёмно-синие, почти чёрные от желания. Он смотрел на неё так, будто хотел поглотить, растворить в себе, сделать частью себя. И от этого взгляда ей становилось одновременно сладко и страшно. Его руки уже скользили ниже, губы прижимались к шее, ключицам, груди — и Мили понимала: ещё секунда — и она сдастся. Но в тот самый момент, когда мир уже готов был взорваться в ослепительном фейерверке ощущений, она вдруг замерла.

— Нет... — её голос прозвучал тихо, почти неслышно. — Стой. Погоди... Я не готова...

Никита замер. На секунду время остановилось.

Он медленно поднял голову, посмотрел на неё — и в его взгляде Мили увидела целую бурю: разочарование, недоумение, боль. Но не гнев. Не обиду. Только... огорчение.

Такое глубокое, что у неё сжалось сердце.

Он отстранился. Молча. Не сказал ни слова. Просто сел рядом, глядя куда-то в сторону, сжимая кулаки, будто пытался удержать внутри то, что рвалось наружу.

Мили почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Ей хотелось объяснить, хотелось сказать, что это не из-за него

— что она любит его, что хочет его, но просто... ещё не сейчас. Но слова застряли в горле.

Тишина между ними была тяжёлой, но не враждебной. Это была тишина двух людей, которые любят, но пока не могут до конца понять друг друга.

Наконец Никита глубоко вдохнул, повернулся к ней и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Я понимаю.

И хотя в его глазах всё ещё читалась боль, в этих словах было больше, чем просто принятие. В них было обещание: я не уйду. Я буду ждать.

Мили придвинулась ближе, положила голову ему на плечо. Он обнял её — не так, как минуту назад, но всё равно крепко, всё равно по-настоящему.

Они сидели так долго — молча, слушая, как за окном падает снег, как тикают часы, как медленно успокаивается их дыхание.

В этот момент они оба поняли:

Любовь — это не только страсть. Это ещё и умение остановиться. Умение услышать друг друга. Умение ждать.

Глава 24

Мили едва успела привести себя в порядок, когда в дверь позвонили. Сестра вернулась — с весёлым смехом, звоном ключей и запахом морозного воздуха.

— Ну что, вы тут без нас не скучали? — бросила она с порога, разуваясь и стряхивая снег с шарфа.

Мили заставила себя улыбнуться.

— Конечно нет. Просто... разговаривали.

Она старалась не смотреть на Никиту — боялась, что взгляд выдаст всё: и жар его рук, и трепет губ, и ту пронзительную секунду, когда она сказала «нет». Но напряжение между ними висело в воздухе, как натянутая струна — осязаемое, почти осязаемое.

Сестра, кажется, что-то заметила — чуть прищурилась, но тут же отмахнулась, решив не лезть с расспросами.

— Ладно, я пойду чайник поставлю. Вы пока... располагайтесь.

И вышла на кухню.

Тишина.

Только тиканье часов на стене и далёкий гул машин за окном.

Никита медленно поднялся с дивана. Его лицо было спокойным, но Мили видела — внутри него всё ещё бушует бу-

ря.

— Мне уже пора, — сказал он тихо. — Автобус через час. Она тоже встала. Ноги казались ватными.

— Ты... уезжаешь?

— Да. Завтра утром уже буду дома.

Слова повисли между ними — тяжёлые, неуместные. Хотелось сказать, что-то важное, но что? «Прости»? «Я люблю тебя»? «В следующий раз я буду смелее»?

Ничего не подходило.

Он подошёл ближе. Взял её за руки — осторожно, будто боялся сломать.

— Мили...

Она подняла глаза. В его взгляде — ни упрёка, ни злости. Только грусть. И ещё что-то, что она не могла назвать.

Он наклонился и поцеловал её.

Не жарко, не требовательно — нежно. Так, как будто прощался не только с ней, а с чем-то большим: с их общими мечтами, с надеждами, с этим хрупким моментом, который они не сумели удержать.

Когда он отстранился, Мили сжала пальцы в кулаки, чтобы не потянуться за ним.

— Я... — начала она, но голос дрогнул.

— Всё хорошо, — перебил он. — Я понимаю.

Снова тишина.

Потом он улыбнулся — чуть криво, но искренне.

— До встречи?

Она кивнула.

— До встречи.

Дверь закрылась.

Мили осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, как холод проникает под кожу — не от открытого окна, а от пустоты, которая вдруг заполнила всё вокруг.

На кухне звенела посуда, сестра что-то напевала себе под нос, за окном падал снег — а для Мили мир будто остановился.

Она прижала пальцы к губам, всё ещё ощущая тепло его поцелуя.

Глава 25

Дни после отъезда Никиты тянулись, как тягучая смола. Мили просыпалась с ощущением, будто что-то важное осталось недосказанным, а каждое воспоминание о том вечере обжигало стыдом и тревогой.

Она смотрела на телефон — он лежал на столе, молчаливый и холодный, — и мысленно прокручивала десятки вариантов сообщений. «Прости». «Я не хотела тебя обидеть». «Давай поговорим». Но ни одно из них не казалось правильным. Все они звучали фальшиво, будто пытались склеить то, что ещё не успело треснуть.

А в голове снова и снова всплывал его взгляд.

Нежный, тёплый — в начале.

И тот, другой — полный огня, почти неуправляемого желания, от которого ей становилось страшно.

Ей было стыдно за это чувство — за страх, за нерешительность. Казалось, будто она подвела его. Подвела их.

Но ещё сильнее её мучило другое: а поймёт ли он?

Она представляла, как пытается объяснить:

— Я не против... не против нас. Но я хочу, чтобы всё было... правильно. Чтобы первый раз — не в спешке, не на грани срыва, а... нежно. Чтобы я чувствовала, что это мой выбор, а не просто волна, которая нас накрыла.

Но слова застревали в горле. Как сказать это, не ранив его ещё сильнее? Как признаться, что её страх — не о нём, а о себе?

Однажды ночью она всё же взяла телефон. Пальцы дрожали, экран казался обжигающе ярким в темноте комнаты.

Набрала его имя в контактах. Зависла над кнопкой «Позвонить».

«А если он не ответит? А если ответит холодно? А если скажет: Я понял, не переживай — и это будет конец?»

Она опустила руку.

Телефон лег на подушку, словно тяжёлый камень.

Утром она проснулась с мыслью: «Он же не перестал меня любить».

Но сомнение тут же нашло лазейку: «А если перестал?»

На занятиях она рассеянно слушала учителей, рисовала в тетради сердечки, перечеркнутые линией. Пыталась представить, как он проводит эти дни: думает ли о ней, злится ли, или уже смирился с тем, что она — просто девушка, которая не смогла.

Её пугала не столько физическая боль, сколько неизвестность. Она не знала, как это должно быть. Не знала, что чувствовать, что говорить, как вести себя. В фильмах всё выглядело просто — страсть, объятия, стоны. Но в реальности ей хотелось не страсти. Ей хотелось доверия.

Хотелось, чтобы первый раз был не «разрывом на части», а началом.

Вечером она села за стол, взяла лист бумаги.

«Никита, — написала она, потом зачеркнула.

«Я хочу объяснить...» — снова зачеркнула.

Наконец, вывела:

«Я боюсь. Но не тебя. А того, что не смогу объяснить, как мне нужно. Хочу, чтобы ты знал: я не отказываюсь. Я просто... жду. Жду, когда буду уверена. Жду, когда это будет не страх, а желание. Настоящее. Моё желание.

Надеюсь, ты поймёшь».

Перечитала. Сложила листок.

Так и не отправила.

Потому что даже на бумаге слова казались слишком хрупкими, слишком уязвимыми.

А телефон молчал.

И тишина между ними становилась всё громче.

Глава 26

Мили долго смотрела на телефон, словно пытаюсь взглядом пробудить в нём жизнь. Пальцы сами нашли его номер — тот самый, выученный наизусть, — и на секунду замерли над кнопкой вызова.

«А вдруг он не захочет говорить?»

Но мысль, что молчание станет их окончательной границей, оказалась страшнее возможного отказа. Она нажала «позвонить».

Тишина.

Не гудки — а какая-то вязкая, глухая пустота, будто линия оборвалась ещё до того, как сигнал отправился в путь.

«Абонент не доступен».

Она опустила телефон, сжала его в ладони. Может, сеть барахлит? Может, он просто в метро?

Но внутри уже шевельнулся холодный червячок тревоги.

Через час она попробовала снова.

Тот же ответ.

Ещё через два — опять.

И снова: «Абонент не доступен или вне зоны действия сети».

Мили села на кровать, прижала телефон к груди, как будто от тепла её рук он вдруг оживёт, выдаст хоть какой-то знак.

«Ну бывает...» — попыталась успокоить себя. — «Может, уехал куда-то. Может, телефон разрядился. Может, просто не слышит».

Но мысли, как голодные псы, уже рвали эту хрупкую логику на части.

— А если он намеренно отключил телефон?

— А если решил, что так будет проще?

— А если всё, что было между ними, теперь просто... тишина?

На следующий день она проснулась с твёрдым намерением: сегодня он ответит.

Сперва позвонила утром — тишина.

Потом в обед — то же самое.

Вечером, уже почти в темноте, набрала номер в десятый раз за день.

Ничего.

Только механический голос, бесстрастный и равнодушный: «Абонент не доступен».

Она опустила лоб на подоконник, прижалась лбом к холодному стеклу. За окном падал снег — медленно, бесшумно, будто мир тоже решил замолчать.

«Почему я не сказала ему тогда? Почему не объяснила? Почему оставила всё в этой недосказанности?»

Телефон лежал на коленях — маленький, безмолвный, предательски пустой.

Мили закрыла глаза. В голове крутилось одно: «Если он

просто не может ответить — я дождусь. Но если он не хочет... тогда что?» Она не знала. И это незнание было самым страшным.

Глава 27

Неделя тянулась, как бесконечная зимняя ночь. Мили всё ещё проверяла телефон — машинально, даже не осознавая этого. Взгляд скользил по экрану, пальцы набирали его номер, а в голове крутилось: «Может, сегодня? Может, он просто был занят?»

Но каждый раз — тишина.

И наконец пришло понимание. Резкое, как удар.

Её бросили.

Она сидела на кровати, сжимая в руках подушку, и вдруг ясно увидела всё: Никита уезжает в большой город, где жизнь — как вихрь, где вокруг него будут новые лица, новые возможности, новые девушки. Умные, красивые, уверенные. Те, кто не дрожит от страха, кто знает, чего хочет, кто не говорит «нет» в самый важный момент.

А она...

Просто девочка, которая не успела научиться любить.

Боль пришла не сразу. Сначала — шок. Потом — медленное, мучительное осознание: он не вернётся. Не напишет. Не позвонит. Не объяснит.

Мили пыталась есть — еда становилась безвкусной, как бумага. Пыталась учиться — буквы на странице расплывались, превращаясь в бессмысленные пятна. Пыталась спать

— но сны были полны его голоса, его прикосновений, его взгляда, который теперь казался ей насмешкой.

Слёзы текли без остановки.

Сначала тихие, потом — рыдания, которые она заглушала подушкой, чтобы не слышали родители. Но они всё равно заходили в комнату, смотрели на неё с тревогой, пытались говорить:

— Перестань, Мили. Это не стоит твоих слёз. Если он так поступил, значит, ты ему не нужна.

Но их слова не помогали. Они звучали как далёкий шум, как что-то, что не может проникнуть в её боль.

Она начала уходить из дома.

Без цели. Без плана. Просто шла — по заснеженным аллеям парка, по пустынным улицам, мимо светящихся витрин, которые казались ей насмешливо яркими. Ветер хлестал по лицу, снег забивался в рукава, но она не замечала холода. Только слёзы — горячие, солёные — стекали по щекам, замерзали на подбородке.

В наушниках играла песня.

Та самая.

«Думала, нашла любовь,

Оказалось — рваной раной.

Что стоит этот день без любви...»

Мили останавливалась, закрывала глаза, и в голове снова и снова звучали эти слова. Они были её. Они описывали всё.

Она не плакала — она выливалась боль.

Прошло два месяца.

Для окружающих она стала тенью. Приходила с занятий, молча снимала куртку, уходила в парк, возвращалась затемно. Глаза опухли от слёз, кожа на лице стянулась от соли, но боль не утихала. Она жила внутри, как заноза, как постоянный гул в висках.

Её подруги не понимали.

— Ну, расстались и расстались, — говорили они. — Вокруг полно парней.

Но для Мили это было не просто расставание. Это была потеря. Потеря мечты, потери ощущения, что она кому-то нужна. Потеря веры в то, что её страх, её неуверенность, её «не готова» — это что-то, с чем можно смириться.

Иногда она представляла, что он звонит.

Что экран загорается его именем, что она слышит его голос: «Прости. Я был не прав. Вернись».

Но телефон молчал.

И чем дольше длилась тишина, тем яснее становилось: он не вернётся. Он не хочет. Он уже забыл.

А она не могла.

Потому что любовь, даже разбитая, не исчезает мгновенно. Она остаётся шрамом. Рваной раной, которая болит, но постепенно затягивается.

Только Мили ещё не знала, сколько времени нужно, чтобы эта рана перестала кровоточить.

Глава 28

Боль не имела формы. Она не была острой, как укол, не была резкой, как порез. Она была — везде. Заполняла каждую клеточку тела, каждое мгновение сознания, превращала воздух в густую, вязкую массу, сквозь которую приходилось продирааться, чтобы просто сделать вдох.

Миля не понимала, как так вышло.

Не было ни ссоры, ни обвинений, ни даже холодного «прощай». Только тишина. Только пустота, которая разрасталась с каждым днём, с каждым безмолвным звонком, с каждой нечитаной строкой в мессенджере.

«Почему?» — этот вопрос крутился в голове, как заевшая пластинка.

«Почему не объяснил? Почему не дал шанса? Почему просто... исчез?»

Она пыталась найти ответы. Перебирала в памяти каждое слово, каждый взгляд, каждое прикосновение. Может, она что-то сделала не так? Может, её страх, её «не готова» стали для него приговором? Но ведь он понимал. Она видела это в его глазах — тогда, на прощание. Он сказал: «Я понимаю». И это «понимаю» звучало как обещание. Как обещание, что всё ещё может быть.

Но обещания не сбылись.

Физически она чувствовала его присутствие — даже сейчас, даже после всего.

Закроет глаза — и вот он: тёплая ладонь на её спине, дыхание у виска, голос, шепчущий что-то нежное. Она ловила себя на том, что машинально касается губ, будто пытаясь сохранить ощущение его поцелуя. А потом резко одёргивала руку, потому что от этого становилось только хуже. Потому что память была слишком живой.

Он был героем в её глазах.

Тем, кто не побоялся подойти. Тем, кто рискнул. Тем, кто сделал первый шаг, когда все остальные только перешёптывались. Он был смелым — настолько, что даже её страх отступал рядом с ним. И теперь этот же человек... просто исчез.

Это было несправедливо. Это было больно.

Весна пришла незаметно.

Сначала — робкие проталины, потом — первые зелёные побеги, потом — запах талой земли и набухающих почек. Мир оживал, а Мили чувствовала себя застывшей во времени. Она видела, как другие радуются солнцу, как смеются, как планируют поездки, свидания, будущее. А у неё будущего не было. Было только вчера. И это вчера не отпускало.

Слёзы перестали литься ручьём — но не потому, что боль утихла. А потому, что глаза уже не могли плакать. Они горели, сухие и воспалённые, а внутри всё равно что-то тихо стонало, не находя выхода.

По ночам она садилась у окна.

Смотрела на звёзды, на редкие огни проезжающих машин, на тени, которые дрожали в свете фонарей. В тишине дома, в этом безмолвном одиночестве, боль становилась громче. Она больше не пряталась за дневными делами, за уроками, за разговорами ни о чём. Она поднималась из глубины, как тёмная вода, и накрывала с головой.

Мили обхватила колени руками, прижалась лбом к прохладному стеклу.

— Почему? — прошептала она в пустоту. — Почему так?

Ответа не было.

Только тишина.

Та самая, что ранила сильнее слов.

Она знала: время идёт. Знала, что где-то там, за горизонтом, есть жизнь — настоящая, яркая, без этой тянущей тоски. Но сейчас она не могла туда дотянуться. Сейчас она была здесь — в этой комнате, у этого окна, в этой тишине, которая стала её спутницей.

И единственное, что оставалось, — ждать.

Ждать, пока боль, наконец, начнёт отступать.

Хотя бы на шаг.

Хотя бы чуть-чуть.

Глава 29

Мили почти перестала замечать, как течёт время. Дни сливались в одно монотонное полотно — серое, без ярких пятен, без всплесков радости. Раньше она любила утро: запах чая, первые лучи солнца, планы на день. Теперь просыпалась с ощущением, будто её накрыло тяжёлым пледом, от которого не вырваться.

Друзья замечали перемены.

— Мили, ты в порядке? — спрашивали они, но в их глазах читалось: «Она уже не та».

Она пыталась улыбаться. Пыталась влиться в разговоры, смеяться над шутками, делать вид, что всё как прежде. Но внутри оставалась та же пустота — холодная, вязкая, неумолимая.

Её мир сузился до четырёх стен, до окна с видом на двор, где всё менялось, а она оставалась неподвижной.

В тот вечер она сидела на полу, прислонившись к кровати, и бессмысленно листала старый альбом с фотографиями. На снимках — она смеётся, она в кругу друзей, она с горящими глазами рассказывает о чём-то важном. Теперь это казалось чужой жизнью. И в плеере играла песня:

В руках фотоальбом

Забываю обо всём - гори оно огнём

Открываю телефон, номер вспоминаю

Набираю, сбрасываю, снова набираю

И сон теряю и килограммы

Проходят дни за днями и ночи за ночами

Своей печалью зажигаю свечи

Провожу вечер мыслями о нашей встрече

Всё, что имею - ерунда, любовь не купишь никогда

Опять смотрю твоё фото...

Как жаль: с тобой не я, а кто-то!

Звонок телефона заставил вздрогнуть. Сердце на секунду замерло. «Это он?»

Дрожащими пальцами она схватила трубку.

— Да?..

— Привет, это Кирилл. Ты, наверное, меня не помнишь...

Я в одиннадцатом классе, брал у тебя как-то фильмы посмотреть. У тебя есть «Гарри Поттер»? Хотел бы взять.

Голос спокойный, мягкий, без тени навязчивости.

Мили моргнула. Мир на секунду вернулся в фокус.

Кирилл. Да, она помнила его. Высокий, всегда с лёгкой улыбкой, вежливый до неловкости. Он никогда не пытался флиртовать, не шутил двусмысленно — просто был хорошим парнем. И он был старше её на три года, что в её нынешнем состоянии казалось почти непреодолимой пропастью.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — У меня все фильмы есть. И книги, я их читала.

— О, отлично! — в его голосе проскользнуло облегчение.

— Я после работы зайду, если можно. Летом подрабатываю, так что...

— Конечно, — сказала она и тут же добавила: — Ок.

Разговор закончился. Мили опустила телефон на колени и глубоко вдохнула.

Это был не он.

Но это был... кто-то. Просто знакомый, просто за фильмами... Но это был не он...

Она поднялась, медленно подошла к полке с дисками. Пальцы скользили по пластиковым коробкам, пока не нашли нужную. В голове крутилось:

«Зачем я это делаю? Почему согласилась?»

Но ответ был прост: потому что больше ничего не происходило. Потому что даже такой пустяк — отдать диск какому-то парню — казался крошечным мостиком в мир, где жизнь ещё шла своим чередом.

Она села на подоконник, прижала диск к груди. За окном темнело, фонари зажглись один за другим, отбрасывая длинные тени.

«А если он спросит о чём-нибудь ещё? Если захочет поговорить? Что я скажу?»

Мысли путались. Она не была готова к общению. Не была готова улыбаться, шутить, казаться нормальной. Но и оставаться в этой тишине, в этом вакууме боли, было невыносимо.

Он пришёл ровно в назначенное время — постучал, улыб-

нулся, когда она открыла дверь.

— Спасибо, — сказал он, беря диск. — Я быстро верну, обещаю.

Его глаза — светлые, спокойные — на секунду встретились с её взглядом. И в них не было ни любопытства, ни осуждения, ни той жадной заинтересованности, которую она боялась увидеть. Только благодарность.

— Не спеши, — ответила она. — Смотри, сколько нужно. Он кивнул, ещё раз поблагодарил и ушёл.

Дверь закрылась.

Миля прислонилась к стене, закрыла глаза.

Ничего не изменилось. Боль не ушла. Но в груди на миг стало легче — будто сквозь тучи пробился лучик света. Маленький, робкий, но настоящий.

Она не знала, что будет дальше.

Но впервые за долгое время ей показалось, что мир — её мир — не окончательно разрушен.

Что где-то там, за горизонтом, может быть ещё один день.

И, возможно, в нём найдётся место не только боли.

Глава 30

Кирилл стал звонить ей достаточно часто, обсуждал с ней фильмы. Сначала звонки Кирилла казались Мили лишь фоном — ненавязчивым шумом, просачивающимся сквозь плотную завесу её боли. Она отвечала машинально, полуслушала, кивала в трубку, не вникая в суть разговоров. Ей было всё равно.

Но постепенно что-то начало меняться.

Он не пытался её «развеселить», не сыпал пустыми утешениями, не спрашивал с назойливым сочувствием: «Ну как ты?» Вместо этого — простые темы: сюжет «Гарри Поттера», любимые сцены, книги, которые она читала. Он слушал её рассуждения, иногда возражал мягко, без напора, и в этих спорах-беседах Мили впервые за долгое время ощутила... нормальность.

Кирилл знал о ее расставании с Никитой...

Мир вокруг по-прежнему был серым, но в этих разговорах проглядывал намёк на цвет.

Она знала: Кириллу нравилась её подруга. Та, что смеялась звонко, говорила уверенно, всегда была в центре внимания. Мили же казалась себе тенью рядом с ней — тихой, незаметной, «маленькой» (и не только из-за разницы в росте). Но Кирилл, вопреки её ожиданиям, не сравнивал их.

Он просто говорил с ней.

— Я думал, ты глупая маленькая, — сказал он однажды, и Мили внутренне сжалась, ожидая колкости. — А ты... очень интересная.

Эти слова повисли между ними — лёгкие, но весомые.

Мили не нашлась с ответом. Только улыбнулась — впервые за долгое время искренне, хоть и робко.

Они продолжали общаться по телефону.

Кирилл рассказывал о своей подработке, о планах на колледж, о том, как ненавидит математику, но обожает физику. Мили слушала, иногда вставляла реплики, иногда просто молчала, но это молчание уже не давило — оно было комфортным.

Она не думала о Никите во время этих разговоров. Не вспоминала его голос, его руки, его взгляд. Боль не исчезла — нет, она по-прежнему жила, где-то внутри, — но теперь у Мили появился островок, где можно было передохнуть.

Где её не жалели.

Где с ней общались.

Однажды вечером, закончив разговор, Мили положила телефон на кровать и посмотрела в окно. За стеклом медленно опускались сумерки, фонари зажглись один за другим, отбрасывая длинные тени.

«Я всё ещё скучаю», — подумала она.

«Но я больше не тону».

Это было странное ощущение — не радость, не облегче-

ние, а скорее... надежда. Тихое понимание, что мир не замкнулся на одной боли, что где-то есть место для других голосов, других разговоров, других людей.

И пусть Кирилл не был тем, кто залечит её раны, — он стал тем, кто показал: жизнь продолжается.

Даже если пока — только в телефонных разговорах.

Глава 31

Время текло незаметно, словно песок сквозь пальцы. Постепенно, почти неощутимо, разговоры с Кириллом перестали быть просто отдушиной — они превратились в нечто большее. В ту самую ниточку, за которую Мили могла держаться, когда мир вокруг снова начинал расплываться в серой дымке боли.

Она и сама не заметила, как перешла от коротких реплик к долгим разговорам. Как перестала следить за временем, когда его голос звучал в трубке. Как начала ждать этих звонков — не с трепетом, не с волнением, а с тихим, тёплым чувством надежды.

Кирилл не требовал от неё ничего.

Не ждал улыбок, если ей не хотелось улыбаться. Не настаивал на ответах, если она замолкала. Он просто был. И в этом «был» не было ни давления, ни скрытого смысла, ни намёка на что-то большее, чем дружба.

Мили впервые за долгое время могла говорить — по-настоящему говорить — о том, что её терзало.

Однажды вечером, сидя на подоконнике с телефоном у уха, она вдруг сказала:

— Я до сих пор не понимаю, почему он так поступил.

Тишина в трубке длилась секунду, две... а потом Кирилл

тихо спросил:

— Хочешь об этом поговорить?

И она заговорила.

Без прикрас. Без попыток казаться сильной. Без страха, что её осудят или не поймут. Ей хотелось просто с кем-то поделиться своей болью.

Она рассказывала, как Никита смотрел на неё, как держал за руку, как целовал — так, будто она была самой важной в его мире. Как она чувствовала, что наконец-то нашла того, кто видит её настоящую. И как в один момент всё это рассыпалось в пыль — без объяснений, без прощальных слов, без даже жалкого «прости».

— Я не злюсь на него, — прошептала она, глядя на звёзды за окном. — Я просто... не понимаю. Как можно вот так — взять и исчезнуть?

Кирилл слушал. Молча. Внимательно. А потом сказал:

— Наверное, он просто не знал, как сказать. Или боялся, что ты не поймёшь.

— А я бы поняла, — ответила она тихо. — Даже если бы он сказал, что передумал. Даже если бы признался, что встретил кого-то другого. Но он... просто ушёл.

В голосе её не было слёз — только усталость. И странная, горькая ясность: она оплакала расставание уже тысячу раз, но так и не получила ответа.

Подруги ее не понимали.

Они говорили: «Забей. Таких ещё миллион будет». Они

смеялись над её грустью, как над чем-то нелепым, детским. Они не знали, что значит любить так, чтобы дышать этим человеком, чтобы каждое его слово становилось частью тебя.

Мили отдалилась от них — не резко, не со скандалом, а тихо, как лист, отрывающийся от ветки. Она перестала звонить первой, отвечать на сообщения, соглашаться на встречи. И когда они, наконец, перестали пытаться её вернуть, она почувствовала не боль, а... облегчение.

Теперь у неё был Кирилл. И Мили этого было достаточно. Он не пытался заменить Никиту. Не стремился занять его место. Он просто стал другом. Тем, кто не ранит, не исчезает, не оставляет вопросов без ответов.

С ним она могла быть собой — не идеальной, не весёлой, не «сильной». Могла говорить о книгах, которые читала, о музыке, которая трогала её сердце, о мечтах, которые казались ей слишком наивными. Могла молчать — и это молчание не давило.

Однажды он сказал:

— Знаешь, я раньше думал, что ты... ну, как все девчонки. А ты другая. Ты настоящая.

Мили улыбнулась — не для него, а для себя. Потому что впервые за долгое время она чувствовала: её видят. Не образ, не маску, не то, что хотят увидеть, — а её.

Так, незаметно, Кирилл стал её островом безопасности и естественности. Там, где можно было перевести дух. Где можно было говорить правду. Где можно было просто быть.

И пусть боль от потери Никиты ещё жила внутри — теперь у неё было место, где можно было не прятать её.

Где можно было дышать.

Глава 32

Лето таяло, как сахар в тёплой воде. Дни становились короче, вечера — прохладнее, а в воздухе уже витал едва уловимый запах осени. Мили и Кирилл продолжали встречаться по телефонным звонкам — так же просто, так же легко, как и раньше. Они говорили обо всём на свете и молчали, когда слов не требовалось.

В этих разговорах было что-то почти священное — тишина, доверие, ощущение, что мир сузился до двух человек, и больше никому нет дела до их маленьких тайн.

Мили не думала о романтике.

Она просто дружила.

Наслаждалась тем, как легко с Кириллом, как он понимает её без слов, как не давит, не требует, не ждёт чего-то большего. Он был для неё островком спокойствия в бушующем море её невысказанных чувств к Никите.

Вот и наступил последний вечер лета.

Они встретились с Кириллом, сели на скамейку у старого парка, где фонари горели тускло, а листья уже начинали опадать. Он говорил об университете — о том, как волнуется, как не знает, что его ждёт, как боится не вписаться в новый коллектив. Мили слушала, улыбалась, подбадривала, делилась своими воспоминаниями о первых днях в новых

коллективах.

— Ты справишься, — сказала она уверенно. — Ты умный, добрый, и у тебя всё получится.

Он улыбнулся в ответ, но в его глазах было что-то новое — не тревога, не волнение, а... решимость.

Они разошлись поздно. Мили шла домой, вдыхая прохладный воздух, и чувствовала странную лёгкость. Завтра — 1 сентября. Новый этап. Для него — университет. Для неё — обычная учеба. Но это не пугало. Она знала: Кирилл будет приезжать на выходные. Они продолжают разговаривать. Продолжат гулять. Продолжат быть.

Она уже почти уснула, когда экран телефона вспыхнул.

Одно сообщение.

От Кирилла.

— «Давай с тобой встречаться. Будем парой?»

Мили резко села в кровати. Сердце ударилось о рёбра, потом замерло. Она перечитала сообщение раз. Второй. Третий.

Слова не укладывались в голове. Он предлагает ей отношения?

Она закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями, но они разбегались, как капли дождя по стеклу.

«Что ответить?»

Мысли крутились в хаотичном вихре:

— Он же мой друг... — Я не готова... — А если он обидится, если я откажу? — А если соглашусь — что дальше?

Она вспомнила его улыбку, его спокойный голос, его умение слушать. Вспомнила, как ей было легко рядом с ним. Как он не требовал от неё ничего лишнего.

Но... Она не чувствовала этого. Не чувствовала того огня, который, когда-то сжигал её изнутри при мысли о Никите. Не было ни трепета, ни желания, ни той безумной тяги, которая превращает мир в хаос.

Только тепло. Только доверие. Только дружба.

Всю ночь она лежала, глядя в потолок, и перебирала варианты ответов.

«Нет, я не могу...» — но как сказать это, не ранив его?

«Я не уверена...» — а вдруг он поймёт и не станет настаивать?

«Давай попробуем...» — но что, если она не сможет дать ему того, чего он ждёт?

Телефон лежал рядом — холодный, молчаливый, будто знал, что от одного её касания изменится всё.

Мили глубоко вдохнула. Она знала: утром придётся ответить.

Но пока... пока можно было просто лежать в темноте и чувствовать, как внутри бьётся сердце — не от любви, а от страха сделать неверный шаг.

Глава 33

Утро пришло серым и тихим. Мили проснулась с ощущением, будто провела ночь не в постели, а на краю пропасти — между тем, что было, и тем, что теперь должно начаться. Она потянулась к телефону, снова перечитала своё сообщение: «Да...»

Одно слово. Такое маленькое — и такое тяжёлое.

Она знала: Кирилл надёжный. Он не станет давить, не станет требовать невозможного, не превратит её «да» в обязательство, которого она пока не готова выполнить. Но всё равно внутри было странное чувство — будто она подписала договор, не до конца понимая, что именно обещает.

Дни потянулись привычно.

Телефонный звонок утром — его голос, бодрый, чуть взволнованный:

— Представляешь, у нас уже первая пара сорвалась, препод заболел... Смех. Рассказ о соседях по общежитию. О том, как он заблудился. О том, что столовая невкусная, но кофе терпимый.

Мили слушала, улыбалась, отвечала — и не чувствовала разницы. Они всё так же разговаривали. Всё так же шутили. Всё так же делились мелочами. Только теперь, где-то на краю сознания висело: «Мы пара». Но ничего не изменилось. Или

изменилось — но так незаметно, что она не могла уловить момент перехода. На пятый день после её «да» она поймала себя на мысли: «А что, если я просто не понимаю, что значит быть парой?»

С Никитой всё было иначе — там огонь, там страсть, там дрожь в коленях и сбивчивое дыхание. Там — взрыв. А с Кириллом — спокойствие.

И это спокойствие было одновременно и утешением, и загадкой. Она не испытывала того, что, кажется, должна испытывать девушка, согласившаяся на отношения. Не ждала с замиранием сердца его сообщений, не представляла их встреч в романтических декорациях, не мечтала о поцелуях.

Она просто... была с ним. Как и раньше. Только теперь — с припиской «его девушка».

— Через неделю приеду, — сказал Кирилл в очередной звонок. — Расскажешь, что у вас тут нового. Может, сходим куда-нибудь?

— Конечно, — ответила она. — Буду ждать.

И поняла: ждёт не с трепетом, а с тихой радостью. Как ждёт человек возвращения старого друга. Но ведь это и есть он её друг. Только теперь ещё и... больше.

Вечером она села у окна, поджала колени к груди, как и всегда. За стеклом медленно зажигались фонари.

«Что дальше?» — подумала она. Ответа не было.

Но впервые за долгое время ей не было страшно не знать ответа. Потому что Кирилл — он не исчезнет. Он не оставит

вопросов без ответов. Он просто будет рядом. И, может быть, именно это — самое важное.

Глава 34

Дни без Кирилла текли медленно, будто вязкий мёд, стекающий с ложки — тягуче, неотвратно, с приглушённым блеском. Мили привыкла к их разговорам по телефону, к ритму его голоса в трубке, к этому тихому ощущению присутствия, которое окутывало её, как мягкий плед, даже на расстоянии. Она ловила себя на том, что машинально проверяет телефон каждые несколько минут, хотя уже знает: сообщений не будет. Пока не будет. Но теперь, после её «да», внутри что-то шевельнулось. Что-то новое, неуловимое — не страсть, не огонь, а скорее трепетное, чуть нервное любопытство, будто она стояла на пороге огромной неизведанной комнаты, где за каждой дверью таится загадка.

Мили открыла ноутбук с ощущением, будто совершает нечто запретное. Пальцы дрожали, когда она набирала в поиске то, что значит секс и всё, что с ним может быть связано, то что давно крутилось в голове, но о чём она никогда не решалась узнать подробно. Экран засветился строчками ссылок — как карта сокровищ, где каждая ссылка вела к новому открытию. Она погрузилась в чтение, будто нырнула в глубокий бассейн, где вода сначала обжигает холодом, а потом обволакивает, заставляя забыть о времени.

Статьи — сухие, научные, с диаграммами и статистикой.

Форумы — живые, но больше с придуманными откровенными историями, фантазиями людей, как им хотелось бы, смешными и трогательными признаниями, иногда шокирующими. Книги — от классических трактатов до современных исследований, разгадывающих тайны человеческой природы. Мили читала всё подряд, впитывая информацию, как губка.

Она распечатала страницы из «Камасутры», разложила их на столе, как карты таро, пытаясь разгадать этот незнакомый мир — мир прикосновений, взглядов, движений, о которых она знала лишь понаслышке. Солнечные лучи скользили по бумаге, высвечивая древние иллюстрации, и Мили внимательно изучала каждую линию, каждый изгиб, пытаясь понять скрытый смысл.

В её электронной библиотеке появился новый раздел — «Секс-учёба». Он разрастался с каждым днём, как экзотическое растение, выбрасывая новые побеги:

- книги о сексуальности;
- научные статьи о физиологии и психологии;
- художественные книги, где любовь и страсть описаны с удивительной деликатностью;
- видеоролики с мастер-классами по коммуникации в отношениях.

Она изучала всё с маниакальной тщательностью:

- как говорить об этом — подбирала фразы, репетировала диалоги вслух, представляя себя и Кирилла;

— что считать нормой — составляла списки, подчёркивала, выделяла цветом, сравнивала с собственными ощущениями;

— какие бывают границы — рисовала ментальную карту, где отмечала «можно», «нельзя» и «нужно обсудить»;

— как не бояться — выписывала фразы, пока не начинала понимать.

Читала о технике — представляла движения, мысленно проигрывала сценарии, анализировала ощущения. Читала о чувствах — сравнивала с собственными эмоциями, пыталась понять, где заканчивается любопытство и начинается желание. Читала о том, как важно слушать себя — и впервые в жизни училась слышать тихий голос внутри, который раньше заглушала рациональностью.

Перечитывала, делала заметки в блокноте — аккуратным почерком выводила ключевые мысли, выделяла цитаты, которые резонировали с ней. Иногда чувствовала, как горят щёки, как пульс стучит в висках, как дыхание становится прерывистым. Но продолжала — потому что впервые в жизни ей казалось: она должна знать. Не для галочки, не из любопытства, а чтобы быть цельной, чтобы понимать себя, чтобы быть готовой к тому, что ждёт её впереди.

Ночью, когда квартира погружалась в тишину, Мили сидела на кровати, обнимая подушку, и прокручивала в голове прочитанное. Она представляла диалоги, ситуации, эмоции — и каждый раз ловила себя на том, что улыбка крадётся

на губы, а сердце бьётся чуть быстрее. Это было странное, но захватывающее путешествие в саму себя — путешествие, которое пугало и восхищало одновременно.

И в какой-то момент она поняла: это не просто подготовка к отношениям с Кириллом. Это её собственная революция — тихая, личная, но от этого не менее значимая. Она училась принимать себя целиком, со всеми желаниями, страхами и мечтами. Училась быть смелой. Училась быть собой.

Мили хотелось скорее попробовать вообще всё, что она прочитала, что посмотрела. Ей нужен был Кирилл, чтобы на нем всё это отработать. Должна понять, что это — не тайна за семью замками, а часть жизни. Её жизни.

Когда Кирилл позвонил, она почти не волновалась.

— Скоро приеду, — сказал он. — Уже соскучился.

«Соскучился» — простое слово, но оно отозвалось в ней теплом.

— Я тоже, — ответила она.

И вдруг подумала: а что, если сегодня всё изменится?

День его приезда выдался ясным, с лёгким осенним холодком. Мили долго выбирала, что надеть, потом передумала, переделалась снова. В зеркале отражалась она — всё та же, но с новым, едва уловимым блеском в глазах.

Они встретились у парка, где когда-то бродили, смеясь над пустяками перед его отъездом в университет. Кирилл улыбнулся, обнял её — просто, без пафоса, как всегда. Но теперь это объятие ощущалось иначе.

Теперь она знала: он её парень.

— Пойдём куда-нибудь? — спросил он.

— Давай просто погуляем, — предложила она.

И они пошли — по тем же улочкам, по тем же тропинкам, но теперь между ними витало что-то новое, незримое, как тонкий электрический разряд.

Они присели на скамейку, глядя на угасающий закат, Мили вдруг поймала себя на мысли:

А если попробовать?

Кирилл не торопил её. Не намекал. Не давил. Но она чувствовала — он ждёт. Ждёт её шага, её решения.

И в этот момент она поняла: её любопытство — не просто интерес. Это был первый робкий росток желания. Не слепого, не лихорадочного, как с Никитой, а осознанного.

Желания узнать, каково это — быть с тем, кому доверяешь. Быть с тем, кто не исчезнет.

— Ты о чём-то думаешь, — мягко сказал Кирилл, заметив её взгляд.

— Да, — призналась она. — Но пока не готова сказать.

Он кивнул. Без вопросов. Без упрёка. И это молчание — спокойное, принимающее — вдруг стало ответом на всё. Мили глубоко вдохнула. Завтра. Или через неделю. Или когда-нибудь. Но теперь она знала: она не боится. Потому что рядом — он.

Глава 35

Кирилл уехал снова на учебу, и Мили ждала его снова. Он звонил и писал ей по телефону. Они так же общались. И вот снова выходные и он пришел к ней на встречу. Воздух между ними стал густым, почти осязаемым. Кирилл сел на лавочку, а она медленно опустилась на колени Кирилла — не резко, не порывисто, а так, будто каждое движение было выверено внутренним компасом, который наконец-то указал верное направление.

Теперь их лица были напротив друг друга.

Она видела его глаза — светлые, внимательные, в которых не было ни спешки, ни жадного ожидания. Только тепло. Только вопрос, заданный без слов: «Ты готова?»

Мили не ответила вслух. Вместо этого она чуть наклонилась вперед.

Кирилл встретил её движение — мягко, бережно, как будто держал в руках что-то невероятно хрупкое.

Его губы коснулись её губ — нежно, почти невесомо.

Это был не поцелуй страсти, не взрыв эмоций, не тот безудержный вихрь, который, когда-то кружил её с Никитой. Это было другое.

Спокойное, тёплое, настоящее.

Его губы — тонкие, аккуратные — двигались медленно,

словно изучали её, запоминали, давали ей время привыкнуть, почувствовать, довериться. В этом поцелуе не было требований — только предложение: «Я здесь. Я не тороплю. Я жду».

Мили закрыла глаза. И тут же — как назойливый блик на экране — вспыхнули воспоминания: губы Никиты — большие, горячие, жадные. Его поцелуи — как шторм, как падение в бездну, как обещание и угроза одновременно. Она помнила, как терялась в них, как переставала дышать, как мир сужался до его рук, его голоса, его «ещё».

Но сейчас... сейчас всё было иначе. Она глубоко вдохнула и отпустила эти мысли.

Потому что это — не Никита. Это — Кирилл.

Поцелуй длился недолго — всего несколько секунд, но за это время что-то внутри неё щелкнуло. Как замок, который долго не поддавался, а теперь вдруг открылся.

Она отстранилась, но не с коленей его. Осталась сидеть на нем, чувствуя его дыхание на своей коже, его руки, осторожно лежащие на её талии.

— Это... — она запнулась, подбирая слова, — это было хорошо.

Он улыбнулся — так же нежно, как целовал.

— Я рад.

И в этом «рад» не было самодовольства, не было торжества. Только искренность. Только облегчение.

Мили прислонилась к его плечу, закрыла глаза. Её сердце

билось ускорено. Не от безумия, не от страха, не от боли, от спокойного, тёплого чувства: это правильно.

Они сидели так долго — молча, слушая, как шуршит осенний ветер, как где-то вдалеке проезжают машины. Этот поцелуй не был кульминацией. Он был началом. Первым шагом в мир, где дружба может быть не штормом, а тихим светом. Где доверие важнее страсти.

Глава 36

После того поцелуя Мили словно пересекла невидимую черту. Теперь они пара. Официально. Негласно. В её голове, в его голове, в этом хрупком пространстве между ними. И хотя Кирилл снова уехал на учёбу, а она осталась наедине с ворохом мыслей, Мили чувствовала: что-то необратимо изменилось.

Она погрузилась снова в изучение того, о чём раньше лишь смутно догадывалась. Страницы, видео, статьи — всё, что могло подготовить её к тому, чего она пока не пробовала, но к чему, казалось, должна быть готова. Ведь Кирилл... он уже имел опыт. А она — лишь обрывки чужих рассказов, мимолетные взгляды, запретные фантазии.

Мили смотрела видео, читала строки, пыталась представить, как это будет — на самом деле. Но теория оставалась теорией. Как смотреть на море через стекло: видишь волну, слышишь отдалённый шум, но не чувствуешь солёного ветра на коже, не ощущаешь, как вода обнимает ноги.

Когда Кирилл вернулся снова в следующие выходные, он позвонил в пятницу вечером — усталый, сбивчивый, с фоном громкой музыки и чужих голосов. Мили прижала телефон к уху, пытаясь разобрать его слова сквозь гул.

— Извини, — сказал он, чуть повышая голос. — Тут...

вечеринка у ребят. Я ненадолго. Увидимся в воскресенье?

— Конечно, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Отдохни.

Она положила трубку, но внутри осталось странное послевкусие. Не ревность — скорее недоумение. Почему ей показалось, что она должна была быть там? Почему мысль о том, что он смеётся с другими, трогала её, но не ранила? Он имел право на личное время. Это для нее он был всем, другом, парнем и тем, кому она доверяла. А у него были его друзья, подруги, его интересы и его занятия. Университет в конце концов.

В воскресенье они встретились.

Осенний воздух был прозрачным, как стекло, а листья под ногами шуршали, будто перешёптывались. Они гуляли, говорили о пустяках, а потом сели на лавочку в укромном уголке парка, где их никто не видел.

Миля снова оказалась у него на коленях — так же, как в тот раз. Его руки обняли её, губы коснулись её губ. Поцелуй был нежным, но теперь в нём чувствовалось, что-то новое — не просто тепло, а тянущее ощущение возбуждения, от которого по спине пробегали мурашки.

И вдруг — лёгкое прикосновение к спине. Его пальцы скользнули под кофточку, едва касаясь кожи. Миля вздрогнула. Это прикосновение обожгло её, как капля расплавленного воска. Она инстинктивно напряглась, отстранилась, хотя он даже не пытался зайти дальше.

Внутри поднялся вихрь чувств:

— Стыд. Острый, колючий, будто она сделала что-то неприличное.

— Вина. За то, что её тело отреагировало не так, как она ожидала.

— Непонимание. Почему ей вдруг стало казаться, что она... грязная?

Она вспомнила, как представляла себе эти моменты — в тишине своей комнаты, перелистывая страницы, глядя в экран. Тогда всё казалось простым, логичным, даже красивым. Но теперь, когда это происходило с ней, она чувствовала себя... не готовой.

Кирилл заметил её напряжение, но не стал настаивать. Просто убрал руки, улыбнулся — так же тепло, как всегда.

— Всё хорошо? — спросил он тихо.

Мили кивнула, хотя внутри всё ещё дрожало.

— Да. Просто... неожиданно.

Он не стал спрашивать. Не стал оправдываться. Просто обнял её крепче, позволяя ей самой решить, когда и как двигаться дальше. Они сидели молча, слушая, как ветер шелестит листьями. Мили пыталась понять, почему ей стыдно. Может, потому что это реально? Потому что теперь это не фантазия, не строчка из книги, а её жизнь, её тело, её выбор? Или потому, что она всё ещё не могла отпустить тень Никиты — его губы, его руки, его страсть, которая, когда-то казалась ей всем миром?

Но Кирилл — он другой. Он не требует. Не торопит. Не осуждает. И, может быть, именно это — самое важное. Когда они разошлись, Мили шла домой, засунув руки в карманы, и думала: — «Это нормально?» Нормально ли чувствовать стыд, когда тебя касаются? Нормально ли бояться того, что должно быть естественным? Нормально ли не знать, как ответить на собственное тело? Она не нашла ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.